

**Санкт-Петербургская региональная общественная
правозащитная организация
«Солдатские матери Санкт-Петербурга»**

191002, г. Санкт-Петербург, Разъезжая улица, д. 9
Тел. (факс) (812) 712-50-58, 712-41-99
Горячая линия: 8(911)772-34-40

**СОЛДАТСКИЕ
МАТЕРИ**
Санкт-Петербурга

Серия: «Особенности национального призыва»

**Шесть историй о подвигах,
преступлениях и глупостях,
о том, как не потерять себя
и как себя найти, если все-таки потеряешь,
и о том, что, пока мы живы,
выбор есть всегда**

Санкт-Петербург
2015

УДК 82.31+342.721
ББК 67.99(2).3
Б43

Издание подготовлено и выпущено специалистами Санкт-Петербургской региональной общественной правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» в рамках проекта «Статья 21 в действии – от усиления личности к усилению общества».

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп на основании конкурса, проведенного общероссийским общественным движением «Гражданское достоинство».

Серия: «Особенности национального призыва»

Беловранин Анджей

Б43 **Шесть историй о подвигах, преступлениях и глупостях, о том, как не потерять себя и как себя найти, если все-таки потеряешь, и о том, что, пока мы живы, выбор есть всегда.** — СПб.: Норма, 2015. — 80 с.

ISBN 978-5-87857-247-7

Перед вами книжка, состоящая из художественных произведений, которые, однако же, основаны на реальных событиях. Трагедии и трагикомедии из армейской и околармейской жизни складываются в пеструю мозаику. Герои, как положено героям, спускаются в бездны ада, злодеи, как принято у злодеев, коварны и практически всемогущи, добро, как положено добру, в конце всегда побеждает (ну или почти всегда). Глубокий смысл, как и положено глубокому смыслу, прячется за калейдоскопом едких шуток и безумных совпадений... Тем не менее факты и сюжеты, хоть и были художественно обработаны, в основном взяты из практики работы правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» и подтверждены документами и рассказами очевидцев.

Во исполнение части 1 статьи 24 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ Санкт-Петербургская региональная общественная правозащитная организация «Солдатские матери Санкт-Петербурга» сообщает, что по решению прокуратуры Санкт-Петербурга и Министерства юстиции Российской Федерации с 28.08.2014 является некоммерческой организацией, выполняющей функцию иностранного агента.

СПб РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга» также акцентирует внимание на том, что организация не получает иностранного или международного финансирования. В настоящий момент деятельность организации осуществляется исключительно на средства государственной поддержки.

© Беловранин А., 2015
© СПб РОПО «Солдатские матери Санкт-Петербурга», 2015
© Норма, оформление, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пять побегов и одна свадьба

Авантюрный рассказ 5

Последний день санитары

Комедия в пяти скромных актах, с прологом 38

Процесс превращения

Основано на реальном кошмаре,
подтвержденном официальными документами 50

Мечты о море 56

Мама..... 68

Запутанное дело

Единственная в книге абсолютно фантастическая история,
почерпнутая исключительно из больных фантазий автора..... 74

Пять побегов и одна свадьба

Авантюрный рассказ

1.

– О, смотри какой! – усмехнулся Олег. – Жека, ты гля!

Евгений улыбнулся:

– Слышь, пацан, дай скрипку поиграть!

Паренек с огромным неудобным футляром поправил очки.

– Это не скрипка, это виолончель, – несмело ответил он. – Скрипка меньше.

Олег Белый уже профессионально зашел сзади, отрезав терпиле путь к бегству. Да и не смог бы он никуда убежать с этакой дурой.

– Да мне по бую, что там, – недобро ухмыльнулся Евгений, ловко принимая футляр из рук лошка. Тот и не думал сопротивляться: Евгений только потянулся, тот сразу ее отдал.

– С какого района?

– Я местный, из Дальнего.

– Ты, значит, аэропортовский? – делано удивился Евгений. – А че я тебя здесь раньше не видел? Брешешь, тля?!

Лох в ужасе помотал головой.

– А звать как?

– Антон. Антон Андреев.

Евгений покивал головой, потом невысоко подкинул и поймал футляр, с удовольствием фиксируя непритворный испуг жертвы.

– Короче, ты мне скрипку подарил?

Терпила ничего не ответил, только в глазах его пополам со страхом светилась злость. «И рывнуться не посмеет. Недочеловек. Лохус обыкновеникус», – подумал Евгений.

– Значит, подарил, – заключил он. – Я добрый. Поэтому я тебе сейчас твою скрипку продам. Полтора косаря. Гони бабки.

– У меня нет, – после паузы ответил очкарик.

– Значит, торчишь полторы штуки. Где живешь?

Лошок молчал.

– Где живешь, сука?! – подскочив из-за спины, крикнул в ухо терпиле Олег Белый. Тот вздрогнул и назвал адрес.

– Завтра отдашь, – улыбнулся Евгений. – А не отдашь – поставим на счетчик. По сто рублей в день.

Лошок получил назад свой футляр и, сгорбившись, побрел вдаль по улице.

– Красава, Жека, – Олег хлопнул приятеля по плечу, отчего в пластиковом пакете, который он держал в руке, грякнули полные бутылки. – Благодарю за подгон.

– В чем подгон? – не сразу сообразил Евгений.

– Ну, тебя-то завтра уже не будет!

Только тут пазл сложился. До сих пор Евгений воспринимал сегодняшнюю отвальную и завтрашний уход в армию как приключение, что-то вроде похода в кино, когда из зала, если фильм не понравится, в любой момент можно выйти. В его голове грядущие армейские будни почему-то

не соотносились с его прежней жизнью здесь, в Аэропорте, и только сейчас он осознал, что они находятся в одном и том же пространственно-временном измерении и вскоре совместить их будет невозможно. И этого терпелу он теперь не увидит, и всех остальных — два года.

На хате Коляка Бобер их уже заждались. Сварил пельмени, нарезал салатик — не хватало только пацанов и бухла.

Сначала сели втроем, потом подошел Андрей Толстый — он не был в команде Электрика, но был свой, по всем понятиям пацан реальный, и Евгений дружил с ним с детского сада. Накатили по второй, по третьей — под пельмени пошло отлично. Хмель не бил в голову, а медленно, но неотступно накачивал на сознание, заволакивая все вокруг, и парней, и кухню, и светлую ночь за окном, обещая долгое, почти бесконечное, как жизнь, удовольствие впереди.

Евгений не слышал, как подъехала машина, хотя окна были открыты. Машина отличная, бесшумная. Услышал только, как хлопнули двери. Белый выглянул наружу:

— О, Электрик подъехал!

Бугор был уже немолодой, с залысинами, и не очень высокий, но с широкими плечами и огромными лапищами. Евгений не без оснований считал его одним из самых опасных людей, каких он встречал в жизни, из-за чего испытывал к нему непритворное уважение.

— Здорово, бойцы. Ну что, Жека, отвальная, значит? Дело хорошее, — с порога заговорил Электрик и прошел на кухню. В отличие от парней, он не стал разуваться, и никто не подумал ему на это указать. — Родину пойдешь защищать? Молодец! Ты на руке? Плесни, — скомандовал он Андрею Толстому. Тот налил половину двухсотграммового граненого стакана.

— Че косорезишь? — с непонятной интонацией спросил Электрик. Белый выхватил у Толстого, незнакомого с порядками Электрика, бутылку и быстро доплескал стакан чуть не с горкой.

Бугор вознес емкость твердой рукой, не пролив ни капли, и остальные тоже подняли свои в воздух.

— Я за тебя не парюсь, боец, — начал Электрик. — Ты человек правильный, к жизни с понятием. В армейке держи себя — как и на гражданке. Когда пару раз костыля получишь — это не страшно. Отцы-командиры на то и отцы, чтобы учить уму-разуму. Но если кто грузить начнет — не спускай. Стой прямо. Потому что один раз прогнешься — потом из-под нар не вылезешь. Главное в жизни — достоинство, так что держи себя. Ты либо человек, либо лох. Пока запомни, а как отрастишь усы, потом намотаешь.

Электрик выдержал паузу, чтобы дать молодым оторжаться, а затем медленно выцедил свой стакан. Остальные тут же последовали его примеру. Попрошавшись, бугор ушел, а парни продолжили нажираться. Евгений окончательно расслабился и больше ни о чем не думал: все будет отлично, если даже такой человек в нем уверен.

Только одна мысль-заноза все свербела где-то на самом дне сознания: как же он будет завтра прощаться с родителями, не то с похмелья, не то еще пьяный.

2.

Внезапно вся эта задумка показалась Оксане дурацкой затеей. «И чего я сюда приперлась?» — немного испуганно подумала она, заходя в просторную темную комнату.

— Здравствуйте, — прошептала она в пустоту, но, как ни странно, ее услышали. Из боковой двери вышла строгая дама в черном:

— Вам чего, девушка? — неприветливо спросила она.

— Я, вот... курсовую, — окончательно стушеввалась Оксана. Но потом собрала мысли в кучку, — на практику, мне преподаватель посоветовал у вас поработать.

— Дело хорошее, — ответила дама таким тоном, что Оксана сразу почувствовала: дело никуда не годное. — А сколько, милочка, вы знаете иностранных языков?

С таким вопросом Оксане еще не приходилось сталкиваться. Обычно люди спрашивают что-то вроде: английским владеешь? Или: португальски сможешь объяснить? Но если у тебя спрашивают, *сколько* ты знаешь языков, то прилично будет ответить, скажем, «двенадцать» или хотя бы «пять»...

— Английский знаю вполне прилично, — наконец решила проявить свою некомпетентность в полиглотической сфере Оксана. — Французский сейчас изучаю... — добавила она, поражаясь собственной серости и необразованности.

Дама вполне равнодушно чмокнула в ответ губами и заявила:

— Чудесно. Но вам нужно не со мной пообщаться, а с Председателем. — Слово «Председатель» она произнесла именно так, с большой буквы, и Оксане почему-то сразу представился упитанный китаец в дорогом костюме — некий собирательный образ под именем «председатель партийного подкомитета Чен». Оксана чуть заметно встряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения. — Но Председателя сейчас нет на месте. Позвоните завтра после двух.

На следующий день Оксана решила позвонить просто для очистки совести: в полезность предприятия поработать в «Солдатских матерях Санкт-Петербурга» она больше не верила. Что ей там делать, с ее несчастными полутора иностранными, с кучами пока знаниями и отсутствующим опытом среди этих строгих дам и подозрительных толстых китайцев, к тому же вообще несуществующих?

Трубку взяла женщина, голос которой был Оксане незнаком, но сразу показался приятным.

— Председателя? Эллы Михайловны сейчас нет, — ответила она. — А вы по какому вопросу?

Оксана ответила, ожидая, что ее сейчас вновь отошьют, чтобы больше уже никогда не связываться с правозащитниками.

— Курсовую? Но это же прекрасно! Волонтеры нам нужны. Вас как зовут? Оксана? А меня Зоя Федосеевна! Вот и познакомились. Приходите прямо сегодня, всё сами увидите — ваше это или нет. Сейчас идет такой поток, помощь просто необходима. Так что приходите, вы нас очень обяжете.

После разговора с Зоей Федосеевной Оксана вдруг почувствовала, что очень соскучилась по маме. Как она там сейчас в Брянске? Скучает, наверное.

Терпеть дальше было невозможно: Оксана вошла в «Скайп» и набрала междугородний номер...

Само собой, она пошла к «Матерям» в тот же вечер. Зоя Федосеевна улыбалась ей очень приветливо, как-то по-домашнему — так, что от ее улыбки сразу хотелось ватрушек с творогом. И когда Зоя Федосеевна отвела Оксану по длинной скрипучей лестнице на второй этаж, в уютную кухню, а там обнаружили чай и печенье, — она не могла избавиться от головокружительного чувства чего-то поразительного, чуть ли не волшебного, когда исполняются все желания. Ведь, если задуматься, что же тут волшебного, в чае с плюшками? А вот поди ж ты!

А потом началась работа. Днем по пути в организацию Оксана представляла, что первая же обратившаяся обязательно запомнится ей на всю жизнь. Но к вечеру оказалось, что в голове у нее с непривычки перепутались фрагменты разных историй: какие-то она еще могла выделить и сопоставить с определенными людьми, другие существовали уже сами по себе. Одна за другой перед ее глазами проходили мамы призывников, кто с толстенными папками медицинских документов, кто с одинокими несчастными справочками в четверть листка тончайшей бумаги, но хранимыми так бережно, словно от них зависела жизнь. Последнее, кстати, часто было недалеко от истины.

— Он же больной, куда ему в армию? Сколиоз, родовая травма... — уже в четвертый или в пятый раз повторяла полная женщина, не снявшая большой мохнатой шапки, которая, впрочем, вполне ей шла.

— Да, моя хорошая, — успокаивала ее Зоя Федосеевна, пытаясь свернуть разговор от общих ахов-вздохов в более конструктивное русло, — к невропатологу на какое вы число записаны? А повестка когда?..

Перед глазами Оксаны за вечер прошли восемь или десять историй, настоящих человеческих драм, иногда переходящих в трагедии. Некоторые мамы приходили с мальчиками, которые вели себя очень по-разному. Некоторые мамы плакали. И еще был один папа, с пышными усами, сам майор в отставке — или как там говорят профессионалы, в запасе?..

Сначала Оксана пыталась записывать что-то для себя, материалы для будущей курсовой — но после третьей истории сбилась, упустила момент, наконец просто устала.

Вернувшись домой, она уже была убеждена: «Солдатские матери» делают нужное, важное дело. Но чем она-то сможет им помочь, ведь ничего этого не знает: справки, военкоматы, категории годности...

Но наутро, после ночи, полной тяжелых сновидений, Оксана даже не раздумывала: идти или не идти. Глядишь, чем-то удастся помочь Зое Федосеевне.

3.

Минут через двадцать после заселения в казарму Евгений уже чувствовал себя вполне уверенно. Наметанный глаз с ходу помог избавиться от кучи проблем, которые наточняк будут вон у того лоха в неопрятно заправленной гимнастерке и у толстячка в углу. Тем, кто фишку не рубит, придется несладко.

Отметил он и то, что местные старожилы — деды и черпаки — тоже их сразу выцепили. Итак, двое терпил были уже определены, но на роту этого

маловато, должны быть еще кандидаты на получение путевки в ад. Конечно, первое время доставаться будет всем духам, но Евгений понимал так же ясно, как то, что зимой холодно, — его собственную жизнь здесь нельзя будет и сравнить с той ямой, в которой окажутся несчастные «омеги».

Он даже почувствовал что-то вроде сочувствия к столь очевидным жертвам, но вовремя себя построил: незачем вписываться за лохов. Тем более что вписывайся — не вписывайся — им все равно ничем уже не поможешь.

Учебку Евгений прошел вполне уверенно. За все три месяца получил от сержантов с пяток зуботычин да пару раз под дых — нормально, даже ногами не били. Ну, прокачка — упал-отжался раз двести — это само собой.

По дороге в регулярную часть в Лебягу — поселок Лебяжий Ленинградской области — готовился к худшему. Всякое ведь может быть. Но уже через пару дней понял — по сравнению с учебкой ждет его жизнь приятная и вольготная. Если вести себя правильно — раньше времени не залупаться, не высываться и не подставляться, просто рай: солдат спит — служба идет.

Пару раз по ночам духам — и ему в том числе — устраивали прокачку. После отбоя три бухих в хламину деда входили в роту, включали свет и орали:

— Тревога! Подъем, стройся! — ну, и еще матом, настоящие военные без него не разговаривают.

Выстраивали бойцов перед кроватями и лупили со всей своей перекачанной мочи в грудак. Ничего, терпимо. Евгению на гражданке приходилось и похуже получать — и ничего, вставал, отряхивался и шел на дискач. Можно ведь было бы и с ноги приложить — сам он ни за что не удержался бы от искушения. Глядишь, когда пройдут его полтора года, можно будет ввести некоторые новые традиции...

Появилось у Евгения и несколько приятелей. Больше всех сдружился с одним, по имени Константин.

— Сам-то откуда, Костян? — спросил его Евгений.

— С Краснодара. А ты?

— А я из Ухты.

— Ух-ты, ах-ты! — рассмеялся Костян. — А это где такая? Никогда не слышал.

— Республика Коми.

— Сибиряк, что ль?

— М-да, не силен ты, Костян, в географии...

Главную задачу службы Евгений видел в том, как бы сделать так, чтобы можно было ничего не делать. И армейская жизнь предоставляла для этого колоссальные возможности. Костян тоже оказался не без этой практической жилки.

В очередной раз ныкаясь от бессмысленной армейской работы, придуманной, казалось, исключительно с целью занять срочников хоть чем-то, они развалились на укромной полянке среди густых зарослей позади котельной. Закурили. Яркое, но уже не жаркое августовское солнце приятно по-утреннему слепило глаза.

— А ничо так служится, а, солдат? — спросил Костян.

— Да уж, такая служба имеет определенные плюсы, — затянулся сигаретой Евгений.

— Одна беда — много дагов в части, — пожаловался Костян. — Они ж из своего Дагостана приезжают совсем дикие. Разговаривать почти не умеют, только на своем что-то бухмача-бахмача. Дети гор и пригорков!

– Детки из клетки, – беззлобно поддержал Евгений.

Лето кончилось. Первые сентябрьские дни были все еще солнечные, но уже становилось прохладно.

Вскоре роту отправили на стрельбы на полигон. Сначала выдали из комнаты хранения оружия автоматы под расписку. Потом несколько часов тряслись в грузовике. «Дорога-то ровная! – ругался Костян. – Подвеска ни к черту».

Когда свернули с шоссе на проселок, солдаты летали уже чуть не до брезентового «потолка». Наконец, машина остановилась.

– Выходи, стройся! – скомандовал замок – замкомандира взвода Яраш Гасагов.

Солдаты повыползали из кузова.

В обстановке некоторой непривычной торжественности, сопровождая свою речь матюгами, замок раздал каждому бойцу по два рожка патронов. А потом погнал взвод куда-то в поле.

– Неужели правда пострелять дадут? – насмешливо спросил Костян. – Уж почти полгода служим, наконец-то настоящий АК дали потрогать.

– Это первый раз с присяги, – подтвердил Евгений.

Идти по перепаханной гусеницами и заросшей травой земле было нелегко. Вещмешок, отягощенный теперь заряженными магазинами, непривычно давил на плечи. Да еще неудобно болтался на плече автомат. Где-то вдали раздавался нестройный грохот выстрелов.

Вдруг откуда ни возьмись прямо перед взводом вырулил козелок, из которого выснулась ненавистная рожа замка Яраша.

– Взвод! Слушай мою команду! Стрельбы на полигоне-два, так что разворачивайся и назад, а потом еще назад!

Только тут Евгений обратил внимание, что командирский козелок ехал не по полю, а по проселочной дороге, петлявшей среди травы. Значит, была-таки дорога, а этот скот заставил их тащиться напрямик по буеракам! Как будто они опаздывали куда-то.

Поперлись назад.

– Пить охота! – протянул Костян. Евгений молча протянул ему свою флягу.

Взвод вернулся на то место, где ждал его грузовик, а потом пошел дальше, через поле в другую сторону. Чтобы еще через час снова быть остановленным козелком Гасагова.

– Взвод! Слушай мою команду!

– Да он издевается, даг хренов! – процедил сквозь зубы Евгений.

– По машинам, на сегодня стрельбы отменяются!

Когда взвод добрался до грузовика, уже вечерело. Солдаты побросали ненавистные автоматы в пыль и попадали на обочину. Евгений лег, подложив вещмешок под голову.

Мимо с грохотом пролетел козелок Гасагова и остановился метрах в двухстах от грузовика и от личного состава. Из машины вылез и медленно побрел в направлении личного состава ефрейтор Чепунков. Через несколько минут он обрадовал солдат очередным приказом:

– Сдаем патроны.

Те вновь принялись навьючивать на себя вещмешки и автоматы и потянулись к командирской машине.

– Вот ублюдок! – тихо выругался Евгений. Он решил, что больше на поводу издевающегося над ними замка не пойдет. Выудил из вещмешка

рожки с патронами, а сам мешок вместе с автоматом оставил валяться на земле. Чтобы хотя бы последний бессмысленный переход этого бессмысленного дня пройти налегке. — Идешь? — спросил он Костяна.

Тот устало потянулся:

— Иди, я догоню.

Гасагов молча забирал у солдат патроны, ставя галочки в ведомости. Евгений отдал свои магазины и пошел назад, с некоторым злорадством поглядывая на лошков, таскавших на поклон к замку в полном обмундировании. У грузовика он сразу нашел свой вещмешок. А автомата нигде не было...

— Что такой мрачный? — с улыбкой спросил Костян.

— Автомат пропал... — нехотя ответил Евгений.

— Да, залет, — серьезно сказал Костян. — Тебе ж под расписку его выдали.

Через пару минут к грузовику подъехал козелок.

— Стройся, оружие к осмотру! — скомандовал Яраш Гасагов. Сколько помнил Евгений, такой приказ в части ему пришлось слышать в первый раз. «Знает уже!» — подумал он.

Как только солдаты встали в неровную линию, замок сразу направился к Евгению.

— Рядовой Пономарев, где оружие? — без выражения спросил он.

— Не могу знать, товарищ младший сержант! — выпучив глаза и выпятив грудь, выпалил Евгений.

— Зато я могу, — улыбнулся Гасагов и пару раз шелкнул пальцами. Ефрейтор Чепунков вытащил злополучный автомат из козелка. — Утеря личного оружия — косяк конкретный, Пономарев. Но я добрый, доводить до взыскания не стану, — продолжил он, возвращая бессмысленную железку Евгению. — С тебя полторы штуки. Завтра отдашь. По машинам!

Костян улыбнулся Евгению, словно с проявлением сочувствия, но не сказал ни слова. Все было понятно без слов.

— Крыса, — явственно, с расстановкой, чтобы все слышали, сказал ему Евгений. Костян в ответ только снова улыбнулся, но уже криво.

Те несколько часов, пока грузовик трясся в обратный путь, Евгений думал о том, что теперь делать.

Отдавать деньги — не вариант, это было понятно. Отдашь один раз — станешь терпилой по жизни, с тебя уже не слезут, будут доить, пока не выдохнут досуха. Не платить... Евгений видел, во что превращались те, кого Гасагов и другие деды выбирали своей жертвой. Ходячие трупы. «Все, наслужился. Надо валить», — решил Евгений.

Вернувшись в часть, он прежде всего разыскал Якудзу — иначе прапорщика Якунова никто не называл. С Евгением у него завязались вполне уважительные отношения, да и вообще он слыл реальным пацаном.

— Якудза, слышь, — позвал он прапора. — У меня залет.

— Что стряслось, Жека?

— Да, блин... автомат потерял, торчу Ярашу, нашему замку, полторы штуки.

— Хреновое твое дело, — довольно равнодушно ответил Якудза. — Что думаешь?

— Думаю в Сочи, — так принято было называть СОЧ — самовольное оставление части. — Других вариантов не видеть.

– Даже не подумай, что стану тебя отговаривать, – кивнул головой Якудза. – Слушай, я завтра в увольнительную. Пойдешь со мной, тебе без проблем тоже выпишут. И скатертью дорога до самых Сочей.

Ночь Евгений провел без сна. В том, что побег удастся, он почти не сомневался. Но что дальше? Нужно было придумать план, но вместо решения в голову все лезли мысли о произошедшем в тот день. Как же это он так подставился? И как не определил, что за крысой окажется этот долбаный Костян с Краснодара?.. Или все-таки пожаловаться ротному? Или командиру части? Так, мол, и так – вымогают деньги. Виноват, конечно, что оружие бросил, штрафулся... Даже в полусне Евгений понимал, насколько это было бы нелепо. Сумма долга выросла бы раза в два – в три, да замок за кляузничество всыпал бы хорошенько – и весь результат... Так ничего и не придумав, Евгений вырубился только перед самым подъемом.

На следующее утро, оформив увольнительные, Евгений с Якудзой сели на электричку и поехали в Питер. Выходя за ворота части, Евгений вдруг ощутил упоительное волнение – побег! Впервые в жизни он оказался по-настоящему вне закона. Еще не поздно вернуться в часть и попробовать как-то разрулить вопрос с замком. Но теперь он не согласился бы на это ни за какие коврижки – дух приключения охватил его.

– Что дальше будешь делать? – спросил Якудза, когда они расположились в электричке.

– А хрен его знает, – в сердцах ответил Евгений. – Домой, наверное, поеду. Меня же искать будут?

– Будут. И дома – полюбас в первую очередь. Военник с собой?

– Да.

– Значит, билет, если что, сможешь купить. А потом?

– Не знаю. Работать пойду, наверное.

– Делать-то что-нибудь умеешь?

– Я миксы свожу, – не без гордости ответил Евгений. – Меня Серега научил, диджей Швепс. У нас в Аэропорте дискачи мутил, я с ним закорёфанился, так он мне показал, что и как. Устроюсь как-нибудь, пацаны не дадут пропасть.

Якудза проводил Евгения до Ладожского вокзала, откуда тот мог поехать домой в Ухту или к старшему брату в Бабаево. На прощание позволил сделать звонок со своего мобильного – у Евгения телефона не было.

Брат Сашка, живший в Бабаево с женой и маленькой дочкой Лидочкой, не сказал чтобы очень обрадовался звонку Евгения.

– На фига ты сбежал?! Возвращайся, блин!

– Не вариант, – убеждал его Евгений. – Вернусь – мне край. Выручай, братан.

– «Выручай»... Ладно, что-нибудь придумаю.

Якудза уехал, пожелав Евгению удачи. На вокзале беглец первым делом переоделся в гражданское – благо захватил с собой одежду из части, – спрятав военную форму в спортивную сумку. А что делать дальше – было абсолютно непонятно.

«Вот она – свобода», – подумал Евгений, дую в кулаки, чтобы согреться. Наступил вечер, и было уже прохладно. Денег у самовольщика хватило на один пирожок с картошкой, который давно перестал ощущаться в пустом желудке. Вокруг сновали равнодушные толпы горожан. Нужно было подумать о ночлеге.

Свернув в первый же встретившийся двор, Евгений наткнулся на длинную пятиэтажку с незапертыми парадными. В третьей обнаружился незапертый выход на чердак, а там — обустроенная кем-то постель из тряпок и старого одеяла, при этом почти не воюющая. Евгений не поверил своему счастью и решил сразу рубануться и поспать, сколько удастся, до возвращения хозяина. А там уже решать, что делать.

Когда он проснулся, было уже светло. Бомж — хозяин постели — не то бросил свое убежище, не то, вернувшись ночью и обнаружив на своей постели незнакомого здорового парня, решил обратиться подобру-поздорову. «Отжал лежку», — без особой радости подумал Евгений.

Нужно было где-то надобать денег, чтобы пожрать. Для начала Евгений заглянул в «Макдональдс» и за час разжился парой недоеденных порций картошки фри. Потом несколько часов покрутился у метро, приглядываясь к людям. Его внимание привлекли трое парней, пивших пиво в сторонке. По всему видать — пацаны свои, могут и войти в положение.

— Так и так, мужики, я в Сочах...

Парни переглянулись понимающе и отсыпали ему немного мелочи — хватило на батон белого хлеба и бутылку пива, — плюс заслали пару сигарет.

Евгений расположился в «своем» дворе на скамейке и, согреваемый последними ласковыми лучами солнышка, быстро заточил полбатона под пивасик. А потом, откинувшись на спинку скамейки, с удовольствием закурил... вернее, закурил бы, да подзабыл, что зажигалки у него нет.

Мимо скамейки, где он сидел, по пустынной дорожке брел тщедушный паренек с кидой черной челкой, закрывавшей пол-лица.

— Э, огонь есть? — не вставая, окликнул его Евгений, с удивлением заметив в своем голосе привычные гопнические интонации. Парень остановился и поглядел на него с опаской.

— Не курю, — ответил он.

«Лох позорный», — сразу оценил Евгений. Но, непонятно почему, не сказал больше ни слова. Парень почалал дальше, чуть ускорив шаг.

А Евгений тем временем прикурил у какого-то мимохожего работяги и — возможно, впервые в жизни — задумался над причинами и последствиями собственных поступков.

4.

— И долго ты бомжевал? — спросил Кузя, здоровенный охранник бара «Аэродэнс», в котором устроился диджеем Евгений.

— Четыре дня.

— А потом?

— А потом — не поверишь! Пошел я на рыночек, там неподалеку от вокзала. Думал форму загнать, чтобы на билет хватило. Вдруг смотрю — Сашок идет, братан мой! Он, оказывается, поехал-таки искать меня в Питер. Стал шариться вокруг вокзала, телефона-то у меня не было, позвонить некуда. В общем, чудесная встреча на рынке.

— Фортануло, — ухмыльнулся Кузя.

— Доехали на электричке до Бабаево. Так я снял кроссовки наконец-то впервые за три дня. Это была жесьть! Ноги были в таком шоке! Скукожились уже и начали трескаться от пота. Я, когда у Сашки ванну принял, ноги отпарил, — встать не мог, так болели.

– Побег из Шоушенка, – пошутил Кузя. – Мне бы с твоим замком повидаться, – он провел в воздухе прямой левой и хук правой: Кузя был бывший боксер. – Ну ладно, не скучай.

Было шесть утра – бар уже закрывался. Евгений вышел на морозную улицу и закурил.

Жизнь налаживалась. Родители, когда он, перекантовавшись у брата пару дней, вернулся в Ухту, поохали-поахали, но делать нечего – решили пока просто жить дальше. Теперь вот уехали в гости к родственникам. Работу диджеем в баре он получил без проблем – помогли старые связи в команде Электрика.

Теперь вот нужно еще завести подругу, а лучше парочку – ну, за этим у диск-жокея, тем более такого общительного, как он, дело не станет.

Вернувшись домой, Евгений сразу завалился спать. И, как ему показалось, едва закрыл глаза, как его разбудил звонок в дверь.

Он кинул взгляд на мобильник – одиннадцать утра. «Договаривались же на двенадцать!» – подумал он – сегодня днем собирались затусить с Андрюхой Толстым.

Громко зевнув, Евгений широким жестом открыл дверь.

– Твою направо, Андрюха! – крикнул он.

За дверью стояли два хмыря в военной форме. Один из них, крепенький – судя по погонам, майор, – стоял за спиной тощего прапорщика.

– Сухарщиков из Сыктывкарской военной прокуратуры, – сухо представился прапор; голос у него был под стать фамилии – какой-то трескучий. – Ты Пантелеев?

– Пономарев, – автоматически поправил его Евгений. И тут же спохватился: «Черт, грамотно развел!»

– Ты-то нам и нужен, – ухмыльнулся Сухарщиков и вставил ногу в дверь, чтобы ее нельзя было захлопнуть. – Пять минут на сборы. Поехали в часть, сочень. По-хорошему пойдешь – дело заводить не будем, все сделаем чинно-благородно.

«В окно сигануть? Всего второй этаж, – подумал Евгений. – Голым в снег? Ладно, надо правда одеться». Через минуту он был готов к бегству. Но охотники за головами тоже оказались не лыком шиты: пока прапорщик караулил его на площадке, майор вышел на улицу и поглядывал на окна.

«Надо что-то делать... – лихорадочно соображал Евгений. – Этот Сухарщиков – дохлак. Приглашу его в квартиру, глухану – и свалю...»

Дальше думать было некогда – надо было действовать.

– Заходите, товарищ прапорщик, – сказал он.

– Незачем, я здесь подожду, – ответил Сухарщиков.

Евгений вернулся в комнату и лихорадочно метался туда-сюда, размышляя, что бы еще предпринять.

– Не задерживайся, боец! – услышал он голос Сухарщикова, а потом хлопнула дверь: прапорщик устал ждать и, выйдя на улицу, закурил. Это был шанс.

Евгений схватил куртку, запихал ноги в кроссовки (носки времени надевать не было – сунул в карман) и рванул на лестничную площадку. Их дом был двухэтажный и двухподъездный, с одной лестницы на вторую можно было попасть через чердак. В мгновение ока беглец взлетел по лестнице, приливной волной просочился сквозь наваленный на чердаке хлам, спланировал на второй этаж другого подъезда и пулей вылетел на улицу. «Свободен!» – пронеслось в голове.

Но не тут-то было. Путь Евгению внезапно преградил давешний майор и ловко поймал беглеца за руку.

— Твари, все равно не возьмете! — завопил изо всей мочи Евгений. Майор пытался заломить ему руку за спину, но, несмотря на очевидное превосходство в силе, ему все никак не удавалось справиться с парнем. Не то зимняя одежда мешала, не то сумасшедшая доза адреналина, наполнившая все тело Евгения невероятной способностью к сопротивлению.

Наконец на помощь к майору подскочил Сухарщиков — вдвоем они быстро скрутят «сочинца», и тогда пиши пропало.

Евгений размахнулся свободной правой рукой и изо всех сил заехал прапорщику в скулу, тот отлетел в сугроб, раскинув руки. Майор от удивления на миг ослабил хватку — Евгению этого хватило, чтобы вырваться и броситься бежать. План созрел мгновенно: между двух домов, к гаражам, там легко затеряться, потом на пустырь и в центр города — к клубу.

Он не бежал — летел со скоростью хорошего велосипедиста. Казалось, прошла всего пара секунд — а он был уже у гаражей.

Евгений огляделся — погони видно не было.

— Ну что, суки, взяли?! — заорал он во всю мочь и расхохотался. В первый момент ему и в голову не пришло, что крик может навести на его след преследователей, которые должны были легко заблудиться в незнакомом районе. А когда эта мысль все же достигла его сознания, она показалась ему неожиданно привлекательной. — Ну давайте, побегаем!

Но гаражи внимали ему молчаливо, и ни одна живая душа не откликнулась на его вызов.

— Честное слово, мне в тот момент хотелось, чтобы они меня нашли — столько во мне ярости было! — не мог утихомириться Евгений, когда несколько часов спустя рассказывал эту историю Кузе в «Аэродэнсе». — Хотелось втоптать их в землю, в снег, в кровавую грязь!

— Ты только покажи мне этих сыктывкарских уродов, узнают, как на Ухту ехать, — Кузя многозначительно поиграл мускулами.

— А что показывать — вон они! — воскликнул Евгений, вытянув руку. На противоположной от бара стороне улицы к ларьку подходили давешние майор и прапорщик.

— Ну, держите меня семеро, — нехорошо ухмыльнулся Кузя.

— Подожди... — немножко пришел в себя Евгений. — Давай лучше просто рядом постой, пока я с ними побеседую.

— Как скажешь, — немного разочарованно отозвался здоровяк.

Разговаривать с Сухарщиковым, имея Кузю за спиной, было не в пример приятнее. Общение свелось к следующему: Евгений заявил, что никуда с товарищами не поедет, и посоветовал убираться подальше. Те вроде как и не спорили: то ли просто выдохлись, то ли их убедил ореол безмолвного Кузиного обаяния.

Тем не менее утром следующего дня, перед тем как возвращаться домой после работы, Евгений попросил пару друзей проводить его до дома. Перед подъездом стояла незнакомая черная «Волга» с тремя пассажирами, которая при подходе Евгения со товарищи сразу уехала... больше ее в этом дворе не видели.

— Сынок, это не жизнь, — сказал как-то вечером Евгению отец, Анатолий Васильевич. — Ты же от каждого человека в форме или просто в камуфляже шарахаешься. От каждого звонка в дверь бледнеешь. Надо что-то решать.

Евгений ничего не отвечал на эти слова, только мрачнел и уводил разговор в сторону. Продержался он так полтора месяца.

5.

– А потом? – спросил Алиф.

– Ну а что потом... Потом суд. Поехали в Сыктывкар... В прокуратуре военной меня сразу заломали. Я отцу тогда сильно нагрубил... Так и не попросил прощения. «Что, – кричал ему, – рад, сдал меня?» Он же звонил, договаривался... да только он-то в чем виноват? В общем, дали условку. Год и три месяца, год испытательного.

– Ну, хорошо тебе, что столько долго протянул, – заметил Алиф. – Яраш демобилизовался, так что шито-крыто. Дослужишь, что осталось, – и домой.

– Да уж, шито-крыто... – неожиданно понурился Евгений. Хотя вроде бы не от чего: ему действительно опять фортануло. Когда он вернулся в Лебягу, о прошлом никто не поминал. А уже через пару недель под поселку Васкелово начали строительство опорно-взводного пункта. Роту Евгения командировали на объект, и работка ему досталась – не бей лежачего: открывать да закрывать шлагбаум на КПП. Лето, солнышко светит. Раз в час кто-нибудь проедет, а остальное время – сиди кури.

Евгений умудрился даже через одного сослуживца-питерца познакомиться с девушкой Аней. Встречаться, правда, удавалось нечасто – она жила далеко, в городе, да и у него не так много возможностей было получить увольнение. В самоволки же Евгений предпочитал больше не ходить.

Зато с Аней можно было в любой момент поболтать по телефону – она отдала ему свой старый мобильник. Сейчас он стоял на зарядке в казарме, а дневная сценка как раз достигла зенита...

– Алиф, прикрось? – спросил Евгений напарника. – Я сгоняю за телефоном.

– Валяй. Гоняй, – равнодушно ответил Алиф.

Пропустив провод от зарядки с обращенной к стене стороны кровати, сам телефон Евгений прятал под подушкой. Не то чтобы факт наличия мобильного можно было скрыть от сослуживцев – просто незачем лишний раз глаза мозолить беззащитными ценностями.

Евгений заглянул под подушку – телефона на месте не было. Как и зарядки. Евгений ощутил, как в нем закипает ярость.

– Вот крысы! – воскликнул он и подошел к единственному человеку, который днем торчал в казарме. – Кто телефон стырил? – спросил он дневального – духа, который по традиции нес службу, стоя на тумбочке.

– Не знаю, – покраснел дух.

– А ты припомни, призрак бесплотный! – ласково предложил Евгений. Дух сжался от ужаса и показал глазами наверх.

– Что, со второго этажа? – не понял Евгений; дух замотал головой, как вентилятор. – Да говори ты толком!

– Майор, – одними губами прошептал дух.

«Это плохо, – подумал Евгений. – Совсем нехорошо».

Майор Алиев был командиром его батальона. С подчиненными ему рядовыми он вообще никогда не общался, приказы передавались через

капитана и лейтенантов. Но, насколько Евгений знал, человек был нрава крайне малоприятного. Да еще и дагестанец.

Алиев жил с еще несколькими офицерами в небольшом домике. Остановившись на секунду перед дверью домика, Евгений глубоко вздохнул. «А может — ну его, этот телефон?» — в последний раз с отчаянной надеждой подумал он. Но весь его опыт, все впитанные с первым стаканом портвейна представления о правильном и неправильном говорили: надо. Не прогибаться ни в коем случае, во что бы то ни стало. Потому что, прогнувшись один раз, потом уже не разогнешься.

Евгений выкинул мысли из головы, постучал и, дождаввшись приглашения, вошел.

В домике, помимо Алиева, было еще два незнакомых капитана. Все трое, как догадался Евгений, — «даги». И все трое были пьяны — на столе стояла почти допитая бутылка водки. А рядом с бутылкой лежал он — его телефон.

— Разрешите обратиться, товарищ майор!

— Обращайтесь, — в голосе Алиева хмель не чувствовался.

— Мобильный телефон у вас на столе — это мой! — выпятив грудь и глядя в пространство, мимо лица майора, отрапортовал Евгений.

Майор Алиев ответил в том смысле, что не доверяет словам рядового, выразив эту мысль отборным матом.

— Это мой телефон, там на задней крышке нацарапаны мои инициалы: «ПЕА» — Пономарев Евгений Анатольевич, — не сдавался Евгений.

Алиев даже соизволил проверить его слова — открыл заднюю крышку и действительно обнаружил на ней три буквы, нацарапанные ременной пряжкой.

— Пономарев... — хмыкнул майор. — Это какой же Пономарев? Тот самый, из-за которого весь батальон дрючили и даже мне по голове наступали?

— Было дело, товарищ майор, — все тем же оловянным голосом отвечал Евгений. — За свой проступок осужден условно. Верните, пожалуйста, мобильный телефон.

Алиев переглянулся с капитанами, и все трое заулыбались нехорошими улыбками.

— Значит, слушай меня сюда, кусок дебила, — майор повертел телефон в руках. — Аппарат хороший. Я его себе оставляю. А ты к концу месяца отдашь еще один такой же, для моего ребенка. Чтобы искупить грех. Свободен.

Инстинкт самосохранения надрывался, требуя, чтобы Евгений немедленно бежал как можно дальше от этих страшных людей. Но он не двинулся с места. «Ты либо человек, либо лох», — привычно зазвучали в голове слова Электрика.

— Никак нет, товарищ майор! — Евгений мысленно порадовался, что его ответ прозвучал сразу, что не оставляло сомнений: времени на раздумья ему не требовалось. А значит — не лох, человек. — Я ничего не буду покупать.

— Ты посмотри, как эта сука с тобой разговаривает! — воскликнул один из капитанов.

Майор Алиев неспешно встал, оправил китель и лениво, с хорошим замахом ударил Евгения, стоявшего во фронт, кулаком в живот. А когда тот согнулся — еще раз, снизу вверх, в лицо. Евгений чувствовал, что не может дышать, голову пронзила острая, как шило, боль.

Он сгруппировался, стараясь принимать удары менее чувствительными частями тела. Капитаны присоединились к избиению. Один из них пнул Евгения в кость на левой ноге, и тот упал. Напоследок его еще потоптали ногами.

Офицеры явно не собирались калечить Евгения. В конце концов один из капитанов схватил его за одежду и вышвырнул за дверь со словами: «Телефон завтра, тварь».

Евгений несколько минут лежал на земле, приходя в себя. И сразу отметил, что за то недолгое время, что он провел в домике офицеров, погода изменилась под стать его состоянию: солнце зашло за набежавшие тучи, деревьё с шумом рвал порывистый ветер.

С трудом поднявшись, Евгений пошатался в сторону КПП.

Алиф стоял у шлагбаума, с подозрением глядя на небо.

— Гроза будет, — сказал он и наконец бросил взгляд на напарника. — Ох как тебя! Это кто?

— Майор... — прошипел Евгений. — Гнида.

— Э, да у тебя нос сломан, — заметил Алиф. — Сам не чувствуешь, на сторону?

— Нет. Только дышать тяжело...

— Пойдем, вправлю, — они зашли в будку, в которой едва помещались один стол и один стул, на который тут же опрокинулся Евгений.

— Ты такое делал раньше?

— Сам нет. Но видел, — вполне уверенно ответил Алиф. Он вытащил из кармана шкалик водки, открыл запечатанную пробку.

Евгений сделал большой глоток, закашлялся и хотел еще порасспрашивать товарища, но внезапно почувствовал такую боль, как будто его снова ударили в нос.

— Все, на место встал, — улыбнулся Алиф. — А ты ничего и не почувствовал, да?

Но Евгений не успел ничего ответить — из носа потоком хлынула кровь, и он выскочил на улицу, чтобы не наследить кровью в будке. Оказалось, что снаружи уже хлещет ливень. Где-то совсем близко раздался удар грома. Легионы капель падали на подставленное небу лицо и, смешиваясь с кровью, бурлящим водоворотом обрушивались на гравий. Евгений никак не мог понять, облегчает ли дождь боль или, наоборот, растревляет ее.

Он расставил руки — уж мокнуть так мокнуть — и любовался сполохами уходящих все дальше и дальше молний.

Евгений вдруг почувствовал необыкновенную легкость: теперь уже никаких сомнений нет — служба его в очередной раз окончилась. В части оставаться больше нельзя.

Он вернулся в будку.

— Ну-ка, посмотри на меня, — попросил Алиф и, когда Евгений представил ему такую возможность, внимательно осмотрел его лицо. — Снаружи даже нет ничего: никаких следов не видно. Ни синяков, ничего.

— Офицеры, называется, — процедил Евгений. — Долбаные твари эти даги...

— Зачем так говоришь? — удивленно посмотрел на него Алиф.

— А что, не так, что ли? — встрепенулся Евгений.

— Я сам из Дагестана.

— Как из Дагестана?

– Так! – рассмеялся Алиф – настолько обескураженным было лицо напарника. – Ты меня с этими упырями не равняй. Я даже полковником стану – не стал бы так с людьми обращаться. Ты в Махачкале был? Нет? Так откуда знаешь, какие они – «эти даги»?

– Извини, братан! Попутал, – искренне заявил Евгений.

– Ладно, проехали... Дальше что думаешь?

– Валишь надо. Поеду домой. Снова!

– Уверен, что хорошо подумал? – принялся опять за свое Алиф.

– А что еще? – удивился Евгений. – Ни платить этим сволочам, ни грушей боксерской для них быть я не собираюсь. Что еще-то остается?

– Я тебе и не предлагаю терпеть или платить, брат, – продолжал Алиф. – Я предлагаю – что? – подумать! Ты что-то украл? Нет, у тебя украли. Ты кого-то тронул, обидел? Нет, тебя побили. И ты – что? – убегаешь. Под условием. Это два-три года дисбата. Хотя ты ни в чем не виноват.

Евгений замолчал на мгновение, только сейчас вполне осознав всю реальность этой неприятной перспективы.

– А что ты предлагаешь?

– Я предлагаю – подумать, – повторил Алиф.

Евгений еще раз наскоро перебрал в голове все известные ему варианты. Ничего не изменилось.

– некогда думать, братан! Валишь надо.

6.

Во второй раз было проще. Евгений одолжил у Ани тысячу рублей, купил билет на поезд до Ухты и вскорости был уже дома. Снова устроился диджеем в «Аэродэн». А через недельку познакомился с милой девушкой Галей.

Галя была в восторге от его приключений, ореол беглеца от правосудия, который Евгений умел вовремя распушать, вскружил ей голову.

– Я ж тебе еще не рассказывал, как я родителям сообщил второй раз, что сбежал!

– Нет, не рассказывал, – замирала от удовольствия девушка.

– Короче, думаю: так просто идти домой опасно. Что, если уже поджидают? А у нас как раз вторая квартира недавно в наследство осталась, родители ее всё продать хотят. Ну, я туда приехал, звоню отцу с мобильника: так и так, это потенциальный покупатель. Не могли бы вы прямо сейчас подойти показать квартирку? Отец не сказать чтобы сильно обрадовался, но согласился. Стою в подъезде, смотрю в окно – вижу, идет!

– Ну! – Галя аж заерзала от нетерпения.

– Я спустился на этаж ниже нашей квартиры, повернулся лицом к одной из дверей и делаю вид, что только что позвонил и жду, пока откроют. Отец мимо прошел – не заметил меня. Достал ключи. Я уж за ним поднимаюсь. Ну, думаю, держись, батя!

– А он?

– А он поворачивается... Ты бы его лицо видела! Я говорю: «Спокойствие! Только спокойствие!» И аккуратно завожу в квартиру. Ну, рассказал, что к чему, потом мы мать таким же макаром вызвали. Он ей позвонил, говорит: иди, пообщаемся, тут квартиру покупают. А как она зашла, меня увидела, я снова: «Спокойствие! Сейчас все объясню...» Вот такая конспирация.

На счастье, у Гали оказалось собственное жилье. Евгений переехал к ней — и сразу почувствовал себя намного спокойнее. Тут же поглотили гражданские дела и заботы, а об армейском прошлом он старался не вспоминать. Тем более что насущных проблем и так было невпроворот.

Однажды вечером Гали вернулась домой взволнованная, тяжело дыша от быстрого подъема по лестнице.

— Я так испугалась! Представляешь, за мной тут шли двое до самого подъезда. Так — демонстративно. Я у них прямо перед носом дверь захлопнула...

Евгений почувствовал, как все его существо заполняет ярость. К тому же неплохая возможность поддержать свой лихой имидж...

— Сейчас разберемся, — сквозь зубы прошипел он и, не одеваясь, выбежал на улицу.

Перед подъездом и впрямь стояли два каких-то хмыря. Один из них был незнакомый, второй стоял спиной.

— Эй вы, болваны! — обратился к ним Евгений, засучивая рукава. — Какого хрена забыли на районе? Девушек преследуем, маньячилы импотентские?

Второй обернулся, и Евгений сразу узнал его — прапорщик Сухарщиков. Тот самый, из Сыктывкарской прокуратуры.

— Ты?! — удивился Евгений. — Это ты тут маньячишь? — и только затем догадался, что Сухарщиков выслеживал вовсе не Галю, а его самого.

— Ну тихо, тихо! — завел Сухарщиков своим трескучим голоском. — Давай в этот раз без...

Но Евгений не собирался слушать и очень неинтеллигентно перебил его ударом в лицо. Правда, в этот раз удар получился смазанный: нынешний товарищ Сухарщикова оказался ловчее давешнего майора, оттолкнул прапорщика, схватил Евгения за руку и быстро скрутил его, сцепив его правую руку со своей левой наручниками.

— Молодец, сержант, — протрещал Сухарщиков. — Ну вот и все, Пономарев. Добегайся. Поедешь прямо в часть.

— Хрена с два, — зарычал в ответ Евгений. — Сначала домой ко мне зайдем, с отцом попрощаюсь.

— Смеешься, что ли? — удивился такой наглости Сухарщиков.

— Я тебе посмеюсь, скотина! — заорал в ответ Евгений.

— Ах, скотина? — прапорщик примерился и ударил парня в скулу. Но это не просто не успокоило Евгения — напротив, ярость окончательно застила ему глаза. Он резко размахнулся правой, вместе с прицепленной к ней рукой сержанта, и умудрился заехать-таки Сухарщикову в ухо.

— Вот бешеная козлина, — цедил сквозь зубы сержант, пытаясь обезвредить Евгения.

— Или домой ко мне идем, или я вас обоих тут урою! — не успокаивался тот. — А тебе, сержант, кадык вырву!

— Шут с тобой, — сдался наконец Сухарщиков. Печальная процессия двинулась в сторону дома Евгения. Адреналиновая волна спала, но парень все равно не мог мыслить ясно. «Попрошу отца вынести нож... Возьму этого кретина в заложники... Потребую самолет и деньги», — он и сам не заметил, как его кровожадный план постепенно скатился к боевиковому штампу.

Когда дошли, сержант уселся вместе со своим подопечным на скамейку.

— Внутри не пойдешь, сюда вызову, — поставил условие прапорщик и скрылся в подъезде. Через минуту вышел — один.

- Отца дома нет, – заявил прапорщик. – Только мать.
- Ты что, дурачок?! – взвинулся Евгений. – Так ее бы позвал.
- Ага, – тихо скрипнул Сухарщиков и собирался уже вернуться в подъезд, но мама вышла сама, обеспокоенная странным визитом. И увидела своего сына. В наручниках.
- Ох, непутевый... – заплакала она.

7.

Евгений думал было сбежать, пока ехали в поезде – но предусмотрительный сержант так ни разу и не открыл наручников: в купе пристегивал его к поручню, в туалет водил на привязи. Когда выяснилось, что вдвоем в кабинке не поместиться, стоял снаружи за полуприкрытой дверью.

Наконец Евгения привезли в часть при Сыктывкарской прокуратуре.

Сухарщиков и сержант, которого, как оказалось, звали Валерием, были очень рады наконец сдать настырного сочинца под чью-нибудь чужую ответственность.

– Вещи сдавай: документы, деньги, телефон, сигареты, – потребовал дежурный. «Ага, сейчас», – подумал Евгений и бросил на стол один только чехол от мобильного телефона. Дежурный равнодушно бросил его в ящик стола, даже не подумав проверить содержимое карманов отловленного беглеца.

Евгения завели в камеру, отделенную от коридора решеткой. Первое, что он сделал, рассевшись на лавке, – позвонил родителям и громко сообщил, что с ним все хорошо. А потом демонстративно закурил.

– Здесь нельзя курить, – робко заметил караульный – солдат-срочник с автоматом.

– Очень рад за вас, – с плотоядной улыбкой ответил Евгений. Но солдатик вызов не принял.

– Да мне-то что... – пожал он плечами. – Хоть костер пали, хоть сам в нем жарься. Вот капитан Кумекалкин заметит – не обрадуется.

– А что, расстроится – плакать будет?

Капитан Кумекалкин на заставил себя долго ждать. Он влетел в гауптвахту с видом человека, который точно знает, что ему нужно. В его волевом, мужественном лице сосредоточилось столько воли и мужества, что они проникли даже под черепную коробку и, казалось, раз и навсегда выдавили оттуда всякое иное содержимое. С тех пор организм капитана был способен поддерживать в активной фазе не более одной мысли одновременно, да и то если та была в должной степени деревянной.

Итак, в голову капитана через носовые пазухи проник запах табака и мгновенно целиком завладел его вниманием.

– Караульный! – загомосил Кумекалкин. – Ты чего здесь куришь?! Ты что, у себя в борделе?!

– Слышь, капитан, тормози, – не вставая с лавки, встрял в разговор Евгений.

Ничего подобного с Кумекалкиным до сих пор не случалось. На несколько секунд в гауптвахте воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая разве что треском разрываемого поведенческого шаблона.

– Кто это там вопит? – наконец повернулся к Евгению Кумекалкин.

— С тобой не вопит, а разговаривает Евгений Анатольевич Пономарев, — чувствуя себя уж не меньше чем Глебом Желловым, ответил молодой человек. — Если хочешь — подойди, пообщаемся.

Капитан глотнул: его огромный волевой кадык мужественно поднялся высоко вверх, а потом опустился на место. Затем капитан два раза моргнул. Наконец, шестеренки в его голове провернулись и вытащили на свет божий приемлемый с точки зрения Кумекалкина вариант ответа.

— У меня для тебя желтая карточка, рядовой, — сказал он самым угрожающим тоном, на какой был способен.

— А у меня для тебя красная, капитан. Сыграем в «дальтоник — не дальтоник»? — ответил Евгений самым провокационным тоном.

— Сейчас зайду — поговорим!

— Да заходи! Я разве еще не приглашал?

Арестантская удаля заполнила Евгения до предела. Еще немного — и он, глядишь, попытался бы напасть на Кумекалкина прямо в камере, чтобы потом отнять у караульного автомат и с боем прорваться на свободу.. Но в последний момент что-то остановило его. На миг он вспомнил, как плакала мама, когда он видел ее в последний раз. «Непутевый...» А потом — отец, когда Евгений так несправедливо обвинил его в предательстве; а ведь тот всего лишь хотел сделать ему, непутевому, как лучше; а он так и не извинился за те свои слова. Тут Евгений почувствовал такую боль, которая не сравнилась бы ни с каким избиением.

И вдруг всплыл в памяти Алиф: «Я предлагаю — подумать». И когда капитан потребовал:

— Руки в гору, к осмотру, — Евгений просто поднял руки и позволил себя обыскать, не попытавшись неожиданно долбануть капитана по шее сверху вниз.

Кумекалкин нашарил в нагрудном кармане рубашки сигареты, но ничего не сказал. Хмыкнув, собирался уже выйти из камеры, но вдруг сообразил:

— А ну, повернись, — Евгений встал к капитану спиной, и тот сразу схватился за телефон в заднем кармане джинсов. — Не положено!

— А вот это я тебе не отдам, — Евгений ловко развернулся и выдернул мобильник из руки Кумекалкина.

— Да ты че, попутал?! — вновь взъярился капитан. А Евгений, наоборот, неожиданно почувствовал странное спокойствие.

— Сначала предоставь опись всего моего изъятého имущества, а потом поговорим.

Капитан опешил: он-то надеялся, что пленник и дальше будет тупо бычить на него и ему без зазрения совести можно будет обломать рога. Но теперь история поворачивалась как-то иначе. Кумекалкин почему-то глянул на караульного, который равнодушно пялился в стену. А потом наконец принял решение:

— Ну все, салабон, нарвался. Я вечером зайду.

— Да не вопрос, заходи, — подначил Евгений.

Капитан сдержал слово: вечером на гауптвахту он пришел вместе с майором — дежурным по части, огромным мужиком, который еле помещался в камере.

— Телефон без описи не отдам, — сразу заявил им Евгений. Но офицеры были настроены серьезно. Майор принялся заламывать арестанта, в то время

как капитан пытался отнять у него телефон. Они пыхтели, матерились, угрожали, но Евгению постоянно удавалось вывернуться. То и дело в потасовке они обменивались тычками. Наконец майору эта возня надоела, он в очередной раз выругался, вышел из камеры и скоро вернулся с двумя дубинками. Тут у него с капитаном дело пошло ловчее.

После нескольких ударов Евгений оказался на полу.

– Ах вы, суки, мусора! – изо всех сил завопил он, свернувшись в клубок и закрыв телефон своим телом.

– Ты кого мусором назвал?! – взъярился Кумекалкин.

– А кто ж вы еще с этими мусорскими приемчиками?

Офицеры еще несколько раз заехали Евгению дубинками, но уже без прежнего ожесточения – возможно, сравнение с милицией как-то подействовало на них, немного охладило пыл.

Майор в сердцах швырнул дубинку на пол.

– Ладно, будет тебе опись.

– В двух экземплярах, – тут же добавил Евгений.

Опять посыпались «мать-перемать». Лежащего на полу парня еще немного потоптали ногами. А потом капитан вышел и вернулся с бланками.

8.

– На губе я пару недель просидел. На второй день вены себе вскрыл, – рассказывал Евгений своему сокамернику Петру.

– На фига? – без особого интереса спросил тот, просто чтобы поддержать разговор.

– Да сам не знаю, – пожал плечами Евгений. – Просто запарило все. Там вместо окон были стеклоблоки – такие мутные. Несколько было разбитых. Я взял осколок и саданул себе по руке два раза. Зову караульного, говорю: мне плохо, вызывайте врача. Тот: что случилось? – Да не знаю, порезал – видимо, плохо! – рассмеялся Евгений.

Петр тоже улыбнулся и кивнул головой.

– Кровь в общем-то сама остановилась, врач только повязку наложил, – продолжал Евгений. – Но меня потом к шконке приковали наручниками. Я их вскрыл провололочкой и сидел без наручников. Караульный видел – ему-то что! А когда перец какой-нибудь заявлялся – я назад пристегивался, типа всё окей.

Петр снова улыбнулся.

Второй раз Евгения судить не стали: как обычно, стремление не выносить сор из общей армейской избы победило. Неделю он просидел на гауптвахте в Сыктывкаре, пока за ним не приехали сопровождающие из «родной» части в Лебяжье. Они отвезли его назад – на поезде, в наручниках. И кинули в камеру для временно задержанных военнослужащих, где уже сидел Петр – такой же, как он, соловец.

– А ты давно здесь? – спросил Евгений.

– Да пару дней.

– И как?

– Как – хреново, как еще? Сортира нет в камере – он в тамбуре. Караульных вообще нет, а заходят сюда дай бог два раза в сутки.

– Ну, это не дело! – заметил Евгений. – Давай что-нибудь придумывать.

И они придумали.

Первую дверь — из их камеры в коридорчик, где находился вход в еще одну такую же камеру, — пришлось выломать. Они долго пинали ее ногами, пока та не поддалась. Причем удалось выломать ее так удачно, что при желании ее можно было навесить назад — и создавалось впечатление, что с ней все в порядке. Вторую дверь — из коридорчика в тамбур — они смогли открыть с помощью хитроумного устройства из проволоки и шнура. Она запиралась на щеколду, и через небольшую щель эту щеколду удавалось сдвинуть.

Из тамбура можно было попасть в туалет. А возможность оправиться в любой момент — для арестанта уже очень высокая степень свободы.

Следующая дверь вела на улицу — но открыть ее не удавалось. Она была железная и запиралась снаружи на ключ.

Еду им приносили в лучшем случае раз в день, но случались и «пропущенные» дни, когда к ним вообще никто не приходил.

А однажды об арестантах никто не вспоминал двое суток. Это было даже немножко страшно — вдруг о них вообще забудут? Ни в каких бумагах, скорее всего, не отражалось то, что они сидели в этой камере. Сколько человек вообще знали, что они здесь? Срочник, который время от времени приносил еду, да кто-нибудь из офицеров. Если этот офицер уедет в отпуск, а срочника отправят на стрельбы, или еще куда-нибудь, или он просто не захочет о них вспоминать — они вполне могут остаться в камере на месяц, два. Камеры находятся в отдельно стоящем здании, далеко от проторенных тропинок, окон нормальных нет, так что кричи — не докричишься... Сколько может человек прожить без еды?

Такие мысли беспокоили обоих арестантов, но вслух они предпочитали об этом не говорить. Например, пытались разговаривать о том, что привело их в это положение. Оказалось, что Петр ушел в самоволку, когда служил в Чечне. Почему ушел — предпочитал не рассказывать...

Когда его поймали, то, как и Евгения, судить не стали, а вместо этого почему-то захихнули в часть в Лебяжье, к которой он раньше никакого отношения не имел.

— На фига они вообще нас здесь держат? — раз за разом возмущался Евгений.

— Хрен их знает, — морщился Петр. — Может, просто не знают, что с нами делать? Или это такое наказание — типа чтобы отсидели, но без суда и без дисбата.

— Так это сколько мы будем так сидеть? Месяц? Два? Год?..

— Я вот что думаю, — сказал Евгений утром того дня, когда они уже вторые сутки сидели без еды. — Придет этот срочник — ломануть его по башке и сбежать. А? Ты как?

— Можно, конечно, — лениво протянул Петр. — Только зачем? Ну, побегаешь месяц-другой, опять тебя поймают, опять сюда... Смысл-то какой?

— Да, смысла не много, — согласился Евгений, но в душе от своего плана не отказался.

Часа через два после этого разговора срочник принес еду.

— Извиняйте, пацаны, — сказал он. — Вчера дежурный по кухне ушел в запой, а тот, что его заменял, сказал, что ничего на вас не даст, потому что вы в списках на питание не числитесь. Но я на вас двоих выбил сегодня еще одно второе...

Евгению сразу расхотелось его ломать.

Эпоха безвременья — тюремного заключения без каких-либо правил и оснований — продолжалась полтора месяца. В один прекрасный момент в замке входной двери загремел ключ — в неуточное время, ведь в тот день еду им уже приносили.

— Где они? — спросил строгий голос.

— Вон в той камере, — ответил кормилец-срочник.

Дверь распахнулась и слетела с петель, что разом раскрыло секрет арестантов.

— Черт-те что... — пробормотал незнакомый человек — как оказалось, майор. — Давно вы тут сидите? — спросил он.

— Я — с десятого сентября, — ответил Евгений. — А какой сегодня день, не знаю.

— Двадцать седьмое октября уже, — ответил офицер. — Майор Черепянский, — представился он и неожиданно отдал арестантам честь. Те удивленно выпрямились, надели головные уборы и тоже козырнули. В руках майора были два военных билета, он сверился с ними, — Так, значит, вы будете рядовой Пономарев, а вы — рядовой Каплунов, — рядовой Пономарев даже приоткрыл рот от удивления — он уже и не помнил, когда в последний раз офицер обращался к нему на «вы». — Выходите, будем разбираться.

Черепянский отвел парней в штаб и по очереди разговаривал с каждым из них. Когда Евгений рассказывал свою историю, тот только качал головой. Видно было, что слова арестанта значат для него больше, чем для самого Евгения, — многие детали этого рассказа, видимо, связывались в его голове с другими известными ему фактами и позволяли делать нелицеприятные выводы. Возможно, в отношении офицеров — коллег Черепянского. Но с Евгением этими выводами он по тем или иным причинам предпочел не делиться.

— Ладно, боец, будешь служить, — заключил наконец майор. — Сейчас пойдешь на ужин. С завтрашнего дня станешь работать каперщиком.

Оказавшись в ситуации неожиданно обретенной — пусть и относительной — свободы, Евгений ощущал душевный подъем. Да и майор Черепянский здорово поднял ему настроение. «Вот это настоящий офицер», — думал он.

Работа Евгению досталась не очень тяжелая, зато ответственная. За ним закрепили некоторые вопросы материально-технического обеспечения: выдать лопаты, потом собрать лопаты, следить за состоянием имущества части, оформлять списания и новые поступления. Нередко Евгению приходилось контактировать с Черепянским, и каждый раз он поражался не только профессионализму майора, но и его человеческому, уважительному отношению к каждому рядовому; а вернее — к каждому человеку. В какой-то момент Евгения поразила одна простая мысль — ведь такое поведение на самом деле не должно быть чем-то исключительным. На гражданке это считалось бы нормой. И впервые в жизни он задумался: если обычное уважение к другому является в армии такой редкостью, что воспринимается чуть ли не как чудо... то, может быть, с этой армией что-то не так?

В середине ноября Черепянский вызвал Евгения в свой кабинет.

— Присаживайтесь, Пономарев, — начал он. — Хотите кофе?

— Не откажусь, товарищ майор, — ответил Евгений. Черепянский встал и сам, на правах хозяина, налил два стакана растворимого кофе, потом поставил один из них перед Евгением. Тот поблагодарил.

— Нужно уладить некоторые формальности, — начал майор. — Никаких документов о вашем возвращении в часть не было. Но самовольное оставление части вам таки оформили, когда вы сбежали. Поэтому я внес соответствующие дополнения в ваше личное дело. По закону после СОЧ вы обязаны пройти военно-врачебную комиссию. Я вас направляю в Санкт-Петербург, в 442-й госпиталь. Надеюсь, через две — две с половиной недели мы с вами увидимся и вы сможете благополучно дослужить то время, что вам осталось.

— Так точно, товарищ майор!

9.

— Слышь, чувак, не поделишься сигареткой? — к Евгению, который курил у входа в госпитальный корпус, подошел разбитной парень.

— Да не вопрос, — Евгений вытряхнул белую палочку из пачки.

— Григорий, — парень ловко прикурил бензиновой зажигалкой и протянул свободную правую руку. — Можно Гриша.

— Евгений, — молодой человек пожал неожиданно вялую ладонь. — Можно Жека.

Гриша опустил на корточки, по-пацански раскинул уложенные на колени руки.

— Что, из Сочей? — поинтересовался он. Евгений кивнул. — Я тоже. В Каменке служу. А ты?

— В Лебяге.

— Скоро назад?

— Не знаю. Ну, неделю, наверное, еще прокантуюсь здесь.

— А я, глядишь, и того меньше, — с сожалением отметил Гриша. — Слушай, может, зatusим чо-как, пока в Питере? Забухаем, девчонок каких-нибудь подцепим?

Что-то в лице Гриши решительно не нравилось Евгению. Как будто и глаза у него не бегали, и рожи он особенно не корчил, но время от времени казалось, что лицо его искажает неприятная гримаса не то отвращения, не то презрения, как у человека, который вынужден долгое время смотреть на какую-то гадость. Евгений почувствовал, что хочет послать его подальше.

— А у тебя баблo есть? — вместо этого спросил он.

— Не густо, рублей двадцать, — скривился Гриша. — А у тебя?

— Полтинник. Но надо еще сигарет купить.

— На пузырь хватит, а там что-нибудь придумаем, — подмигнул Гриша.

Выбраться из госпиталя было несложно — были и всем известные дырки в заборе, и проскользнуть мимо вахты не так уж трудно. Купили бутылку водки и принялись шататься по окрестным тихим улочкам.

Несмотря на позднюю осень и мрачное питерское небо, дождя не было, а прохладную погоду позволял не замечать разбегающийся по крови алкоголь. Вскоре Гриша зацепился глазом за двух девушек.

— Привет, девчонки, — подбежал к ним солдат. — Как ваши дела этим замечательным утром?

Одна из них — та, что была повыше и посимпатичнее — засмеялась:

— Шесть вечера уже.

— Утро, красавица, — это состояние души! — воскликнул Гриша.

Слово за слово — познакомились. Девушек звали Рита и Таня. Они не прочь были выпить пива. И даже когда оказалось, что у парней нет за душой практически ни гроша — ведь они бедные солдаты из госпиталя, — веселье не закончилось: девушки согласились спонсировать.

Рита — та самая, что была симпатичнее и общительнее, — явно больше нравилась обоим парням. И Гриша, и Евгений без лишних слов понимали, что если один из них не переключится на Таню — ни у кого ничего не выгорит. Но ни тот ни другой не готовы были сдаваться. Пару часов они пошатались по улицам, выпили по два-три пива. Наступил критический момент, когда нужно было либо обменяться телефонами и разбежаться, либо пойти ва-банк и постараться затащить девчонок в койку.

Евгений все еще колебался между этими двумя вариантами, когда Гриша неожиданно прервал общение.

— Слушайте, девчонки, приятно было, но пора бежать: у нас обход через пять минут. Если не появимся — край. Пока, до новых! — и, схватив Евгения под руку, быстро пошел прочь. Евгений решил не упираться, хотя и не очень понимал, с чем связано такое экстренное бегство. Во всяком случае, никакой «обход» им точно не грозил.

— Что это ты залепил? — спросил он Гришу, когда обескураженные девчонки остались в двадцати метрах позади них.

— Да так, ничего... — ответил Гриша. — Я у Ритуленьки мобилу подрезал. Уже полчаса назад, из сумки. Если бы решили сейчас по-хорошему расставаться, обмениваться номерами — сам понимаешь.

— Ага, — сказал Евгений. — Ну, тогда да.

Нельзя сказать, чтобы он был сильно рад, что оказался соучастником в воровстве на доверие, но и против ничего не сказал. Сам ведь не раз чем-то подобным занимался во времена своего безоблачного голубого детства.

— Слушай, Жека, — обратился Гриша, когда они подошли к дырке в заборе госпиталя. — Давай я его тебе пока отдам, потом толкнем. А то у меня хата неспокойная, того и гляди подрежут.

— Вопросов нет, — откликнулся Евгений.

10.

— Ох, я дебил! — вырвалось у Евгения. С точки зрения тактики защиты это было не совсем продуманное заявление, но теперь ему было уже все равно. — Про условку-то я совсем...

Следователь Шеменко усмехнулся:

— Верное наблюдение, — тут он с шумом захлопнул папку с делом, словно заканчивая предыдущий разговор, и неожиданно начал говорить новым тоном — доверительным и дружеским. — Короче, ширмач, дело твое тухлое. Шило. Раз ты на условке, пятерка корячится по-любому. Я тебе по секрету скажу: у терпилы, у Маргариты этой Моисеевой, папа и брат — сотрудники милиции. И они с тебя не слезут ни за что. Опознание есть. Что ж вы, клоуны, первым делом им признались, из какого вы госпиталя, если собирались их шипать? Трубу у тебя нашли. Подельник твой Григорий, как его бишь... не важно, тебя слил — про мобилу знать не знает, ведать не ведает. За хорошее поведение тебе скостят, конечно, если чалиться грамотно будешь. Но три года по-любому на зоне, — следователь сделал многозначительную паузу. — Но есть вариант.

Евгений тяжело вздохнул.

– Слушаю, – наконец сказал он.

– Три куска зеленых. И всё в шоколаде. Дело закрываем, с терпилами я решу.

– Надо подумать.

– Ну подумай, подумай, – ухмыльнулся следователь.

После того как милиция, пришедшая в госпиталь, нашла у Евгения краденый телефон, его сразу отправили в военную прокуратуру. Здесь все началось всерьез. К счастью, режим для задержанных военнослужащих или, как их тут называли, «прикомандированных к части прокуратуры», был не слишком строгий. В пределах части передвигаться можно было свободно, запрещался только выход наружу. Отец, приехавший в Питер через несколько дней после задержания, полуофициально передал ему мобильный телефон.

Выйдя из кабинета следователя, Евгений первым делом позвонил Анатолию Васильевичу.

– Пап, привет! Тут такое дело – следак обещает отмазать за три тысячи долларов.

– Ох ты! – опешил отец. – Такие деньги не вдруг найдешь... Но попробуем. Это точно?

– Да кто его знает.. Говорит, что точно.

– Ну, значит, будем занимать.

Поначалу Пономаревым удалось найти только две тысячи. В кабинете Щеменко отец и сын были вместе.

– Две? – переспросил следователь. – Ну, для начала неплохо. Давайте.

– Расписку пишите, – предложил Анатолий Васильевич.

– Расписку? – удивился Щеменко. – И что же я там напишу?

– А как обычно: Щеменко такой-то такой-то, следователь отдела такой-то прокуратуры, получил от Пономарева Анатолия Васильевича две тысячи долларов.

– А больше вам ничего не написать? – усмехнулся следователь.

– А больше – ничего, – веско ответил отец.

Щеменко поцокал языком. А потом взял бумагу.

Когда расписка была оформлена и конверт с деньгами перешел из рук в руки, Анатолий Васильевич продолжил:

– Остальную тысячу получите после закрытия дела.

Щеменко покивал головой – он пересчитывал деньги, не доставая их из конверта. Закончив, он засунул конверт в ящик стола и вдруг бросил, как что-то малозначительное:

– Хорошо. Только, к сожалению, обстоятельства изменились. Немного.

– Что значит изменились? – агрессивно спросил Анатолий Васильевич.

– Теперь это не три косяря, а пять, – ответил Щеменко и, широко улыбувшись, развел руками. – Ничего не поделаешь! Делом заинтересовались наверху, – он сделал неопределенный жест указательным пальцем. – Значит, придется отстегнуть.

Анатолий Васильевич крикнул и, ничего не сказав и не попрощавшись, вышел из кабинета.

Тем же вечером он позвонил Евгению на мобильный.

– Ты, пап? Привет! Я тут подумал...

– Я тоже подумал, сын. Выдоит нас досуха. А будет ли толк... да не будет, скорее всего.

- Вот-вот. И я о том же.
- А ведь рисковый гаденыш попался! – воскликнул отец. – Не побоялся расписку дать. Глядишь, мы ему еще это припомним.
- Что теперь делать-то будем? – не очень уверенно спросил Евгений.
- Что-что... вытаскивать сына из тюрьмы.

11.

План был прост. Да и военная прокуратура – не Алякстрас.

После полуночи, когда жизнь полностью утекла из унылых коридоров, Евгений, который лежал под простыней не раздеваясь, тихонько встал, обулся и вышел из роты. Спустился по лестнице на первый этаж и замер напротив двери в кухню.

Неподалеку, за углом, сидел в своей будке дежурный вахтер, поэтому действовать надо было тихо. Хотя вахтера вряд ли интересует что-либо, кроме запертой двери, которую он и должен охранять. А все остальное его не касается – вроде бы...

Пытаясь успокоить себя этим соображением, Евгений достал из кармана заветный ключ и осторожно вставил его в скважину. Ключ повернулся в замке с тихим скрежетом, который показался беглецу чуть ли не иерихонской сиреной. Но ее, к счастью, никто не услышал.

Евгений проскользнул в темную кухню, спрятал ключ в карман и медленно, осторожно закрыл за собой дверь.

В кухне было темно: свет от тусклых уличных фонарей сюда не проникал. Чтобы ненароком не сшибить какие-нибудь кастрюли, Евгений решил постоять немного неподвижно, пока глаза не привыкнут к темноте.

В его голове вновь и вновь прокручивался весь нехитрый план побега, и каждый раз Евгений убеждался, что план безупречен. За восемь тысяч рублей два парня из кухни согласились сделать ему копию ключа, а также оторвать обязательную снизу решетку на окне – так, чтобы под ней можно было протиснуться, но чтобы снаружи изъян был незаметен.

Наконец, Евгений смог разглядеть плиты и столы. Он осторожно прокрался мимо них к окну и легко открыл створки. Пахнуло холодом и сыростью. Евгений поежился.

Оставалась последняя часть – пролезть под решеткой. Утром его сообщники придут пораньше и закроют окно – так что никаких следов побега не останется, и прокурорским придется только гадать, как же рядовой Пономарев исчез из запертого охраняемого помещения.

Он подергал решетку – рама, к которой были приварены вертикальные прутья, действительно отставала снизу. Правда, отставала ненамного, а сама решетка оказалась на удивление тяжелой.

Окно выходило в проулок, но при этом было ближайшим к улице – то есть любой, кто прошел бы мимо в этот поздний ночной час, увидел бы Евгения в двух шагах от себя. Как назло, только беглец примерился, как бы половчее поднырнуть под решетку, из-за угла вышел прохожий. Пришлось ждать, пока он скроется с другой стороны проулка. «Полезу – и навстречу какой-нибудь капитан, – вдруг выползла предательская мысль. – А с моей удачей – глядишь, еще и полковник...»

Евгений глубоко вздохнул и, одной рукой приподняв решетку, нырнул вниз. Голова пролезла легко; ноги оторвались от пола, и он повис, как бы

перекинувшись через подоконник — только голова и плечи оказались при- давленными рамой решетки. Сначала Евгений осторожно вытащил нару- жу вторую руку — чуть не вывернув сустав. Теперь рама всем своим весом прижала его к стене. К тому же внезапно оказалось, что до земли не так уж и близко — метра полтора. Падать с такой высоты головой вниз было бы очень неприятно.

Евгений стал потихоньку проползать вниз под решеткой, когда внезап- но почувствовал, что застрял — рама отошла уже с максимально возмож- ным для нее люфтом, но сдвинуться вперед он не мог ни на сантиметр.

— Тебе помочь, милоч? — раздался вдруг чей-то участливый голос, чуть не прямо в ухо беглецу. Евгений умудрился вывернуть шею и увидел на улице старушку — божий одуванчик.

— Нет, бабушка, спасибо, я сам справлюсь, — громко прошептал Евге- ний. В это время на улице, прямо позади бабули, появился автомобиль с характерной сине-белой раскраской. «Опаньки, менты!» — подумал Евге- ний, следя за машиной ошалевшими глазами. Из того положения, в кото- ром он оказался, было видно дай бог два десятка метров улицы. Но ему по- казалось, что машина проезжала их целую вечность. Наконец, сине-белый седан скрылся за углом. Евгений выдохнул.

Старушка покачала головой и побрела по улице.

Евгений понял, что если и дальше будет играть в конспирацию, то рано или поздно его таки заметят. Он крякнул и дернулся вниз всем телом. Ре- шетка с треском отошла еще немного и загремела, ударяясь о стену, а он плавно спланировал вниз и приземлился на руки, немного ободрав ладо- ни об асфальт.

Оставалось надеяться, что на шум никто не обратил внимания.

Евгений выбежал на улицу и свернул вправо — в соседнем проулке, как и предполагалось, его ждал отец.

— Наконец-то! — жарко шепнул он.

На плечи Евгению Анатолий Васильевич сразу накинул гражданскую куртку, на голову нацепил кепку — и они вдвоем быстро зашагали прочь.

12.

Несмотря на то что побег удался блестяще, дальнейший план ухода от правосудия реализовать не получилось. Сначала они рванули на юг. Отец намеревался перевести Евгения через украинскую границу, но у того не было паспорта — он остался в прокуратуре. А украинские пограничники оказались на удивление стойкими к разводкам, уговорам и даже мягкой по- пытке подкупа.

С грехом пополам добрались до Москвы. В итоге не придумали ничего луч- ше, как возвращаться домой, в Ухту.

Билет купили по интернету на имя брата Сашки из Бабаево, распечата- ли его в терминале. Вот только, чтобы сесть в поезд, нужно было предья- вить паспорт с фотографией...

Был уже конец января, дул ледяной ветер, от которого не спасала никакая оде- жа. Они шли по бесконечному перрону в поисках двенадцатого вагона.

— Женя, сынок. Зачем ты телефон-то украл? — неожиданно спросил Анатолий Васильевич глухим голосом.

— Батя, я не крал, честно! Сдурил, конечно. Гриша этот ко мне прилип...

— Вечно к тебе что-то прилипает! — с внезапно прорвавшимся гневом заметил отец. — Что-то к Сашке вон ничего не прилипает, ни ко мне, ни к матери! А ты... как всегда ни в чем не виноват.

Евгений ничего не ответил.

Перед двенадцатым вагоном мерзла, переминаясь с ноги на ногу, милонидная проводница.

Отец, видимо, еще сердясь, чуть обогнал Евгения, неся билеты с документами впереди себя в вытянутой руке. Проводница потянулась за ними... вдруг ветер вырвал из ладони Анатолия Васильевича билет, и тот, крутясь, полетел вдоль перрона!

Отец мгновенно бросился за ним, секундой позже сорвалась и проводница. Со всех ног рванулся Евгений — но он был еще далеко.

По счастью, билет, вместо того чтобы юркнуть в щель между перроном и поездом, все-таки опустился на снег. Анатолий Васильевич настиг его и ловко схватил, вытянувшись вперед всем телом, но тут же припал на правую ногу, покачнулся и чуть не рухнул.

— Ах ты, черт! — вырвалось у него, и Евгений увидел на лице отца гримасу боли. — Колено, гадина! Вечно после операции...

Евгений вспомнил, что правая нога была у отца травмирована и от непродуманных движений старая травма иногда напоминала о себе.

— Пап, ты в порядке?! — закричал он, подбегая и подхватывая отца под руку, чтобы помочь ему удержать равновесие.

— Так точно не так! — ответил отец. — Не знаю пока.

Проводница подхватила Анатолия Васильевича под другую руку; тот прыгал на левой ноге, правую держа на весу.

У входа в вагон проводница быстро глянула билеты, а в пачке разносортных документов даже не стала разбираться. Евгений с грехом пополам втащил отца в вагон; тот, держась за стены, допрыгал до своего купе и из последних сил рухнул на лежанку.

Евгений захлопнул за ними дверь.

— Болит, пап? — повернулся он к отцу и внезапно вместо ожидаемого страдания увидел на его лице победную улыбку.

— Ну, как я тебе? — подмигнув, спросил Пономарев-старший. — Есть еще ягоды в пороховницах?

Евгений только развел руками:

— Ну ты, бать, ваще! В натуре.

13.

— Алё!

— Белый, ты?

— Я. А это кто?

— Здорово, Олег, это Жека, — Евгений старался говорить негромко — он нашел тихий уголок в коридоре госпиталя, подальше от чужих ушей. — Нужна помощь.

— Жека?! Здорово, как ты, где ты? Что-то в последнее время тебя не слышно.

— Короче, я в Воркуте, в госпитале. Завтра меня опять в Лебягу этапируют. Паровоз идет через Ухту, нужно меня снять оттуда будет, с поезда. Не хочу я в свою родную часть что-то возвращаться.

– Не вопрос, сделаем! Ребят я соберу, – тут же въехал в тему Олег Белый. – Когда поезд, вагон какой?

– Сейчас не знаю еще. Как сядем – я тебе эсэмэской кину. Будьте с утра готовы. Лады?

– Базара нет! А как ты там оказался-то? Ты ж вроде жил нормально, бабу себе нашел? Еще и с детьми.

– Да, я в Ухте месяцев восемь прожил, – Евгений вдруг почувствовал себя вольготнее: если Белый согласился помочь, то уже не кинет. А значит, можно и поболтать, отвести душу. – Диджеем устроился, только в другой клуб – в этот новый, знаешь, рядом с вокзалом?

– Да, знаю. Но не люблю я его, отстойный он какой-то.

– Кому как! – усмехнулся Евгений. – Короче, жил у Иры – она старший администратор в ресторане. Да, двое малых у нее, я там с ними нянчился. В общем, всё клёво. Готов был уже стать уважаемым членом общества, – на этих словах Белый рассмеялся в трубку. – Но она всё – давай распишемся!

– А ты?

– А что я? Я в розыске, без паспорта. Короче, мама нашла тут Комитет солдатских матерей в Воркуте, они меня на ВВК положили, нашли язву. Всё, комиссовать уже собирались.

– А уголовка твоя как же?

– Вот то-то и оно, что уголовка! Решили ту расписку следователя Щемченко запустить. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Ага, помню. На два куска зелени.

– Она самая. Короче, не поверишь! Волна пошла знатная, всех смыло. Как только солдатские матери эту расписку получили, накатали свои телеги – через две недели всю питерскую военную прокуратуру разогнали, включая самого прокурора!

– Вот ты красавец, Жека!

– Ты слушай дальше! Вчера звонит в госпиталь мой следователь Леонов – как будто бы справиться о моем здоровье. Это мне тут один врач по секрету рассказал. Короче, сегодня оказалось, что язвы у меня ни фиги нет и вообще ничего нет, все документы из карточки пропали. Комиссовать меня не положено, и уже завтра приедут сопровождающие из Лебяги и повезут меня назад к месту службы.

– Гниды уродские! – поддержал друга Белый. – Ну, не горюй, мы тебя выручим.

Забирать Евгения из Воркуты в Лебяжье приехали двое: лейтенант и рядовой-срочник, оба незнакомые. Евгений нарочно вел себя как можно дружелюбнее и покладистее, чтобы не вызывать подозрений. В результате везли его не только не в наручниках, а вообще с большой степенью свободы.

Сев в поезд, Евгений сразу же заперся в туалете и скинул СМС с номером поезда, вагона и на всякий случай – места.

Поезд остановился в Ухте на двадцать минут.

– А что, старшой? – обратился Евгений к лейтенанту. – Не взять ли нам пивка? Холодненького?

Погода была теплая и к пиву вполне располагающая. Летеха лениво протянулся:

– Можно.

– Давай, братан, сгоняем по-быстрому, я тут знаю близко ларек, – Евгений потрепал срочника по плечу.

Лейтенант протянул второму конвоиру полтинник:

– Бери на все.

Выйдя на перрон, Евгений вдруг нос к носу столкнулся с мамой.

– А ты что здесь делаешь?! – одновременно спросили они друг друга.

– Меня вот в часть везут.

– А я тоже в Питер еду. По твоему же, между прочим, делу хлопотать. Так ты в этом поезде? – спросила Лидия Ивановна. – В каком вагоне?

Евгений назвал.

– Так я найду тебя проведать? – спросила она.

– Конечно! – обрадовался Евгений и, сделав вид, что целует ее в щеку, шепнул на ухо: – Не ищи меня. Я позвоню, все объясню.

Срочник нетерпеливо ждал, пока закончится этот краткий разговор, и они заспешили вдоль перрона.

– Здесь недалеко, – в очередной раз повторил Евгений. Они вышли из вокзала и подошли к проезжей части. Неожиданно прямо перед ними резко затормозил микроавтобус, боковая дверь откатилась, внутри сидел Колька Бобер.

– Заскакивай, Жека, – позвал он. Евгений не заставил себя ждать, и дверь захлопнулась у него за спиной. Срочник воскликнул: «Э!» – и взялся было откатить ее назад, но в этот момент на плечо ему легла тяжелая рука Олега Белого:

– Пусть сидит, – проникновенным голосом сказал Белый. – А ты иди. На поезд опоздаешь.

Дождавшись, пока ошалевший срочник отойдет на несколько десятков шагов, Олег запрыгнул на переднее пассажирское сиденье, и микроавтобус медленно покотился по улицам Ухты.

Колян уже разливал водку.

– Вечно ты, Жека, встрянешь! – восхищенно кричал он. – Это у тебя какой получается побег?

– Да я походу со счета сбился, – не очень весело ухмыльнулся Евгений. И добавил тише: – Пора бы уже перестать бегать...

14.

Лидия Ивановна была симпатична Оксане. И своим простым, искренним приятием по отношению к другим людям, даже незнакомым, и самоотверженностью в деле спасения сына, и даже любовью к кошкам, которые с ее появлением вдруг поселились в организации.

Лидия Ивановна уже больше года только тем и занималась, что обивала пороги всех возможных инстанций. Теперь вот фактически переехала из Ухты в офис «Солдатских матерей Петербурга», в благодарность за гостеприимность помогая, чем могла, – ведь ее Женя сидел в «Крестах» в ожидании приговора за... какой-то там украденный телефон? Оксана не очень вникала в эти подробности. Сама она работала с призывниками, а не с военнослужащими, поэтому ее подопечным Евгений Пономарев не был.

Но сочувствие к матери с ее таким понятным горем как-то само собой перекидывалось и на сына. Так что однажды Оксана предложила Лидии Ивановне сходить вместе с ней на очередное судебное заседание.

Женя в зале суда сидел за решеткой, под охраной приставов. По виду — типичный гопник: стройный, жилистый и подвижный, в спортивном костюме.

«Господи, бедный дурачок! — подумала Оксана. — Бедный...»

Но что-то выделяло его из того подавляющего большинства молодых людей, которые, даже попав в беду в армии и обратившись за помощью к «Солдатским матерям», не способны были посмотреть дальше своего носа. Что? Наверное, то, что, отвечая на вопросы суда, он не пытался вилить, замотать суть вопроса и во что бы то ни стало выглядеть невинным.

— Телефона я не крал, поэтому вины своей в рамках предъявленного обвинения не признаю, — говорил Женя. — Однако сказать, что я здесь совсем ни при чем и вообще ложно обвиненный, тоже не могу. Я знал, что телефон краденый, когда взял его на хранение. В чем теперь — поверьте! — искренне раскаиваюсь. Надеюсь, уважаемый суд примет это во внимание.

Особенно выигрышно смотрелся Женя на фоне обвинения.

— Факт того, что Григорий Ужимцев не участвовал в краже, подтверждается словами самого Ужимцева, который, как следует из листа дела такового, на следствии показал, цитирую: «Мобильный телефон не брал. Никакого мобильного телефона в глаза не видел», — бубнил прокурорский. — Тот факт, что Ужимцев был ранее судим за кражу мобильных телефонов по двум эпизодам, отношения к делу не имеет, так как вина его не была доказана.

— Можно вопрос к обвинителю? — поднялся Женя.

— Задавайте, — устало бросил судья.

— Как же Ужимцев показывает, что «телефона в глаза не видел», если сама потерпевшая Моисеева говорит, что давала Ужимцеву телефон ненадолго по его просьбе — позвонить? Можете разъяснить это противоречие?

— Никакого противоречия нет, — затараторил обвинитель. — Слова свидетеля Ужимцева «никакого телефона в глаза не видел» не следует понимать буквально. Их следует понимать в том смысле, что... в том смысле, что... — замылся он.

«Никак не придумать ничего путного. Самое время попросить помощь зала», — подумала Оксана и, не выдержав, фыркнула от сдерживаемого смеха. Представитель прокуратуры вообще не раз веселил ее своими высказываниями, и она не стеснялась выражать свое отношение, даже под угрозой быть удаленной из зала суда.

— Их следует понимать в том смысле, что телефона Пономарев не крал! — нашелся обвинитель. — То есть, тьфу, простите, Ужимцев! Пономарев-то как раз крал.

Тут уж Оксана не выдержала и рассмеялась в голос, за что получила очередное предупреждение суда.

Неожиданно она заметила, что Женя тоже улыбается, глядя на нее.

По окончании заседания Оксана ждала Лидию Ивановну в коридоре — та улучила минутку, чтобы перекинуться с сыном парой слов.

— Говорит, вроде ничего сидится, всё в порядке, — сообщила мать. — В камере не обижают. Да, Оксаночка, о тебе спрашивал! Что это, говорит, за девушка такая симпатичная все время смеялась?

— Так-таки и симпатичная? — Оксана вскинула бровь.

— Что уж поделаешь. Знаешь, как говорят: из Жени слова не выкинешь.

На следующий день Лидия Ивановна собиралась в «Кресты» — отнести сыну передачу. Выскочив на минутку из своего кабинета, Оксана

увидела, что женщина плачет, сидя за столиком, стоящим перед входной дверью офиса.

– Что случилось, Лидия Ивановна? – участливо спросила она.

– Толя... – сквозь слезы ответила та. – У мужа... инфаркт. Всё, умер...

Оксана несмело обняла женщину за плечи, и вскоре рыдания той утихли. В последний раз тяжело вздохнув, Лидия Ивановна с усилием поднялась со стула:

– Идти надо. Передачу понесу.

– Давайте я с вами схожу. Хоть донести помогу, пакеты-то тяжеленные, – неожиданно предложила Оксана и, не дожидаясь ответа, принялась надевать пальто.

15.

«Дорогой Женя! Привет!

Пишет тебе Оксана из “Солдатских матерей Петербурга”. Если помнишь, я была у тебя на суде.

Как твоё житье-бытьё? Лидия Ивановна говорит, что устроился ты на пересылке неплохо. Прямо в Ухте, от дома недалеко, и “дослужился” уже до старшего повара. Я очень за тебя рада!..»

– Евгений Анатольевич!

– Да что?! – Евгений отложил письмо.

Молодой пацан – Еременко по кличке Кочерыга, помощник повара – неуверенно лупал на начальника глазами.

– Ну что застрял-то? Говори!

– Там это, из режимного отдела прислали. Рыбки просят. Так я дам?

– Ох ты, Кочерыга, вечно ляпнешь... «Я дам!» При других только такого не говори. Думай хоть, прежде чем что-то сказать. А тем более сделать. Думай, понял? Кого прислали-то от режимного?

– Сипунова.

– Сипунова? Странно что-то. Подожди, ничего ему не отпускать пока. Скажи, пусть ко мне подойдет.

– Хорошо, Евгений Анатольевич.

Евгений снова опустил глаза на страницу.

«Я так понимаю, что из пяти лет, которые тебе дали, год в “Крестах” зачли, и полгода ты уже отсидел. А по условно-досрочному тебя вполне могут через два с половиной выпустить – значит, сидеть всего год остался...»

«Всего год! Эх, “всего”!», – подумал Евгений. Он как-то подсчитал, что даже если его выпустят по УДО, то все равно получится, что «поход в армию», обернувшийся отсидкой, отнял у него пять долгих лет. А отцу эта история в итоге стоила жизни...

На горизонте нарисовался Сипунов.

– Что это Кочерыга горбатого лепит? – начал он. – Режимникам на закуску рыбки требуют – г..но-вопрос. А я тут к тебе на рамсы какие-то гнилые хиляю.

– Кто послал?

– Кто? – нехорошо усмехнулся Сипунов. – Знаю кто.

– Кто послал, Сиплый, не томи, – повторил Евгений.

– Витюев.

– Отъезжай, Сиплый, – брезгливо, словно отгоняя насекомое, махнул рукой Евгений. – Что за детский развод? Витюева уже две недели как перевели. Еще раз тебя здесь увижу – режимникам же скажу. Не обрадуешься.

– Ладно, ладно! Что ты! – поднял руки Сипунов. – Ишь грозный какой.

Когда Сипунов скрылся за горизонтом, Кочерыга снова оторвал Евгения от чтения:

– Евгений Анатольевич, а разве Витюева переводили?

– А? Нет, никуда его не переводили. О чем Сиплый, как видишь, ни сном ни духом.

– Ага, – ответил Кочерыга и не двинулся с места.

– Ну что еще?

– А разве не нужно его наказать за разводку?

– Отвали, Кочерыга, не отвсечивай.

«...Я думаю, главное – не то, в какой ситуации ты оказался, а то, как ты себя при этом ведешь. Первая цель каждого порядочного человека – сохранить свое человеческое достоинство. А это значит – не играть по правилам нелюдей, сохранить себя, не становиться одним из “людоедов”. Спротивляться насилью против себя и других – защищать свои и чужие права. Если можешь, конечно...»

Тут в памяти Евгения почему-то всплыл майор Черепянский. «Присаживайтесь, Пономарев. Хотите кофе?..»

– Слышь, Еременко!

– Да, Евгений Анатольевич? – поваренок сразу вынырнул на зов откуда-то из пышущих паром глубин кухни.

– Короче, слушай сюда. Наказать за разводку Сипунова надо бы. Но самому мне с этим увальнем не хочется лишний раз связываться. К тому же, говорят, он с оперотделом взаимоотношения имеет. И стучать сразу режимникам за то, что он их подставляет, за их счет меня кинуть хотел, – не есть хорошо. Я и так по всем понятиям красный, незачем к этому добавлять лишнее лыко в строку. Зато теперь я его предупредил, что сделаю в следующий раз, а значит, если что, с меня взятки гладки.

Еременко кивнул:

– Теперь понял. Спасибо, Евгений Анатольевич.

16.

Через полгода после того, как Евгений вышел на свободу, они с Оксаной стали жить вместе, еще через год – поженились. Все получилось как будто само собой. Оба были уверены, что это благодаря счастливой судьбе они нашли друг друга. Действительно, при чем здесь Лидия Ивановна?..

Евгений поступил в колледж на программиста и через три года окончил его с красным дипломом. Легко нашел работу.

Они поселились в маленькой уютной комнатке на улице Маяковского.

– Тебе надо постараться произвести хорошее впечатление на мою маму, когда она приедет в гости, – говорила Оксана, спускаясь с полатей, надстроенных у них в комнатке вторым этажом. На полати вела удобная деревянная лестница, окаймленная перилами с резными балясинами.

– Ксюха – как скажешь! – воскликнул Евгений, не отрываясь от ноутбука.

– Моего брата же ты как-то сумел очаровать, а это далеко не каждому удается, – продолжала жена.

– Вот сейчас добыю эту базу данных – и кого хочешь очарую, – рассеянно ответил муж.

– Сейчас не надо, – сказала Оксана и, наконец добравшись до конца лестницы, чмокнула его в щеку. – Лучше прояви свои истинные качества – утонченность и интеллигентность – когда мы пойдем в филармонию на Дворжака.

– Какого Коржика?

Оксана улыбнулась:

– Не «кор», а «двор», юморист! Дворжак – чешский, по-моему, композитор.

Евгений уже успел спросить у «Яндекса»:

– Антонин Дворжак, род 1841, ум 1904... Да, чешский.

– Вот, образовывайся, молодец! Заодно прочитай про концерт для виолончели с оркестром.

– Та-ак... Концерт для виолончели с оркестром, № 2, си минор, 1895 года выпуска, объем двигателя – 40 минут, и еще очень даже на ходу!

– Можешь и исполнителя поискать: на виолончели – Антон Андреев.

– На виолончели – Антон Андреев, – машинально повторил Евгений и вдруг опустил руки с клавиатуры ноутбука. Ему внезапно стало непереносимо тошно.

– Говорят, молодой талантливый исполнитель. Восходящая звезда, – продолжала Оксана.

Евгений немного поколдовал с поисковиком и нашел фотографию. «Нет, не он! – выдохнул Евгений. – А хотя... столько лет прошло! Нет, все-таки не он». Евгений внезапно почувствовал облегчение – а через секунду ему стало еще противнее. Что ж хорошего, что это – не он? Быть может, *тот* потому и не стал восходящей звездой, что однажды вечером, десять лет назад, повстречался с парой молодых подонков...

Евгений застонал и уперся лбом в стоящие на локтях руки.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Оксана.

– Не знаю... ничего. Всё в порядке. Просто старые раны.

– Какие это у тебя еще раны? – Оксана волновалась всё сильнее. – Ты мне ничего такого не рассказывал.

– Чужие. Со временем начинают болеть только сильнее.

Последний день санитара

Комедия в пяти скромных актах, с прологом

Действующие лица

Александр Передрук, санитар, работающий в больнице в рамках замены военной службы на альтернативную гражданскую (АГС)

Начальница отдела кадров

Ирина Викторовна Ассольева, заведующая отделением кардиологии

Татьяна Альбертовна Простова, врач-кардиолог

Нурлыхан Исакоджаевна Непроизносимая, дежурная медсестра по посту

Валентина Петровна, пожилая медсестра

Анастасия, молодая медсестра

Иван Арнольдovich Блюменгартен, пациент, член общественной наблюдательной комиссии за местами заключения Мурманской области

Антонида Семеновна, лифтерша

Петр Петрович, пациент, высокопоставленный сотрудник МВД

Яков, 24 года, пациент

Председатель комиссии, члены комиссии

ПРОЛОГ В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Больница в Мурманске. Отдел кадров. Александр Передрук входит в помещение, скрытое от солнечного дня малиновыми порттьерами. За массивным столом, в резном кресле с высокой спинкой сидит Начальница отдела кадров.

Передрук (нормальным голосом). Здравствуйте! Я Александр Передрук.

Начальница (нафосно). Вхождению во дверь

Предшествовать был должен стук.

Приличиям вас в детстве не учили,

Мой друг?

Садитесь!

Резко выбрасывая вперед руку, указывает на скромный стульчик перед своим гигантским столом. Этот жест сопровождается ударом грома. Александр обескураженно подчиняется.

Передрук (смущенно). Я не хотел, простите...

Начальница. Прощает Бог!

Сейчас же — не крутите.

Зачем пожаловать изволили

В столь неурочный час?

Без двух минут — обед!

Передрук (невольно начинает говорить в ее ритме). Но восемь лишь утра!

Какой-то бред...

Начальница. Отделу кадров время — не указ!

Законы вашей физики — ничто для нас,

Властителей судеб. Так к делу.

Передрук (снова нормальным голосом). Я был направлен в вашу больницу в рамках замещения военной службы альтернативной гражданской. Отработав год и два месяца, я взял отпуск — вместе с северными надбавками и неистраченными отгулами за сдачу донорской крови он составил 107 дней.

Сегодня отпуск заканчивается. Таким образом, срок моей альтернативной гражданской службы составил полтора года и истекает сегодня. А значит, я сполна отдал долг Родине и хотел бы...

Начальница. Хотел бы он! Однако это ново!

Чуть распусти — бежать служения готовы.

Но не спешите, юный падаван!

Держать учитесь уже свой карман.

Передрук. Но как же... Вот ведь документы!

Начальница (*улыбаясь*). Ах, я живу за-ради для таких моментов!

(*Вновь с суровым пафосом*) Пока вы нежились в объятиях египетских мопрей...

Передрук. Я в отпуске на выборах работал,

Следил, чтобы прошли они честней!

Начальница. ...к нам из военных вышних юдолей счастливых

Исполненная света спустилась директива.

Передрук. Ах, чую — мое счастье так зыбко!

Начальница. В расчеты наши

Вкралась *техническая ошибка*.

(*Вновь раздаётся удар грома.*)

Не полтора, а год и девять месяцев — ваш срок.

Передрук (*про себя*). Вновь заменили барщиной оброк.

(*Начальнице*) Но как же так? Ведь я рассчитывал свободу обрести...

Начальница. Не стоило интриг таких плести!

Передрук. ...и с завтрашнего дня

Меня уж ждет учения стезя!

Начальница. Ах, всё бы вам учиться!

Тем самым умножая в мире скорбь.

Не лучше ль тяжкими трудами

На спину заслужить почтенный горб?

Понятно всё вам?

Передрук. Боже, это сон?..

Начальница. Итак, вопросов нет!

Тогда — подите вон!

АКТ ПЕРВЫЙ

Больница в Мурманске. Отделение кардиологии. Общий сбор отделения в кабинете заведующей — Ирины Ассольевой: врач-кардиолог Татьяна Простова, дежурная медсестра Нурлыхан Исакоджаевна, медсестры Валентина Петровна и Анастасия, санитар Александр Передрук.

Ассольева (*официальным голосом*). Коллеги дорогие, добрый день!

Больницу нашу нынче осенила...

Нурлыхан. Чтоб их!

Ассольева. ...Горнего вниманья тень.

Из Комитета к нам назначена проверка.

Нурлыхан. Опять придут заглядывать в тарелки.

(*Официальная часть закончилась, все переходят на человеческий язык.*)

И шупать простыни! К нам ходят чуть не каждый месяц — нет бы вместо этого проверить документы о финансировании и расходовании.

Ассольева. Это, Нурлыхан Исакоджаевна, уже не нашего ума дело.

Проходят и документарные проверки. Я полагаю. А пока задача поставлена — всем быть на высоте. Не мне вам рассказывать, что это значит...

Анастасия. Опять эти дурацкие маски?! Не хочу я в ней ходить, в них дышать неудобно.

Ассольева (*добродушно*). Знаю я, Настя, что тебе неудобно — косметику испортить. Так что...

Анастасия. Во-первых, Ирина Викторовна, косметика у меня стойкая, от такой ерунды не стирается! А во-вторых...

Ассольева. ...прекратить подрывные разговорчики! В городе грипп свирепствует. Я полагаю.

Валентина Петровна. Ох, что делается, цари небесные...

Анастасия. ...а во-вторых, говорить трудно и невозможно разобрать ни слова. Сплошное бу-бу-бу получается! (*Шепотом*) Вот вы меня заставите эту гадость носить...

Ассольева. Нурлыхан Исакоджаевна, прошу вас Настю в этом ключе контролировать.

Нурлыхан шутливо, сделав страшное лицо, показывает Анастасии кулак. Та в ответ высовывает язык.

По крайней мере, коллеги, держим марку перед комиссией. Если услышите, что я громко говорю какие-нибудь глупости, — значит готовность номер ноль и форма одежды номер... в общем, чтоб посторонние вас без масок не видели.

Ассольева (*Простовой*). Татьяна Альбертовна, что у нас с Бюменгартеном?

Простова. Поступил повторно. Снова инфаркт. Сегодня спустили из хирургии.

Ассольева. Курить бросил?

Простова. Говорит, что бросил.

Передрук. Но на лету поймал.

Ассольева. Да что ты говоришь, Саша?

Передрук. Бюменгартен сегодня пытался у соседа по палате, Яшке, сигарету стрельнуть. К счастью, я ее вовремя отнял и элиминировал.

Простова. Вот вроде взрослый человек... А вы, Александр, снова к нам?

Передрук. Как видите!

Простова. Понравилось?

Передрук (*замешкавшись*). Не могу сказать, что нет. Но дело не совсем в этом.

Валентина Петровна. Ему, бедненькому, еще три месяца добавили. Ох, что делается, цари небесные...

Ассольева. Что ни делается — всё к лучшему, Валентина Петровна. Я полагаю. Александр нам еще пригодится. Особенно сегодня. Я тут перестановочку задумала в медицинском кабинете. Надо будет шкаф передвинуть.

Передрук. На этот счет я хотел бы с вами переговорить, Ирина Викторовна...

Ассольева (*удивленно*). Насчет шкафа?

Передрук. Это вряд ли.

Ассольева. Ну ладно. Работайте, коллеги. А вас, Передрук, я попрошу остаться!

Передрук. Спасибо.

Все, кроме Ассольевой и Александра, выходят.

Ассольева. Так что у тебя за дело, мой хороший?

Передрук. Понимаете, тут такая ситуация... В общем, я согласен, что по закону всё правильно. Альтернативная служба — год и девять месяцев, а не год и шесть. Я это постфактум выяснил, занимаясь правозащитной деятельностью.

Ассольева. Постфактум? Это хорошо. Я полагаю.

Передрук. Когда меня к вам направляли, документы неправильно оформили. Но я-то уже думал: ошиблись и ошиблись, никто внимания не обратит... однако обратили. А у меня уже планы, всё на мази, а главное — и душа, и ум, и сердце — всё уже в... несколько иной области.

Ассольева (*добродушно качая головой*). Ах, Саша-Саша!

Передрук. Ну, вы меня понимаете?

Ассольева. Прекрасно понимаю! Или ты что, думаешь, я никогда не была молодой? Когда душа и ум в смятении... И кто я такая, чтобы стоять на пути любящих сердец?! А избранница — не из наших ли больничных барышень?

Передрук (*замявшись*). Э-э-э...

Ассольева. Ну вот, засмушался! Ладно, давай так — познакомь меня с невестой, и тогда оформим тебе отпуск за свой счет на весь оставшийся трехмесячный срок службы.

Пауза.

Передрук. С невестой?.. Ага.

Выходит, неверно передвигая ногами.

Ассольева. Ох, молодо-зелено! Я полагаю.

Передрук (*один*). Вот так коммуникативная неудача... Что же делать? С одной стороны, обманывать нехорошо. Вроде мама что-то такое в детстве говорила. С другой — я ведь никому вреда не сделаю?.. К концу дня, глядишь, освобожусь. Или даже —

Я обрету свободу!

На счастье человеческому роду

Я жизнь свою, освоив ремесло...

Ах, черт, меня куда-то понесло.

В общем, дело за малым — найти фиктивную невесту на час.

АКТ ВТОРОЙ

Александр Передрук везет на кресле-каталке Блюменгартена.

Передрук. Рад вас снова видеть, Иван Арнольдович. Жаль, что при таких обстоятельствах.

Блюменгартен. Я вас тоже, Александр.

Передрук. Вы всё еще в комиссии наблюдаете за местами заключения?

Блюменгартен. Абсолютно верно. Защищаем права зеков помаленьку. А мы куда сейчас?

Передрук. Я вас везу в рентгенологию, потом забираю и назад.

Блюменгартен. И это всё на сегодня?

Передрук. Пока по вашему поводу больше распоряжений не было.

Блюменгартен. А вы всё еще в анархистах?

Передрук (*просто*). Да.

Блюменгартен. Но вы же понимаете, что анархизм — это утопия? Особенно в современном глобальном мире. Без централизованного управления люди не смогут кооперироваться и воцарится хаос.

Передрук. Все утопии — это преждевременные истины. В начале XIX века отказ от рабства в Америке тоже казался утопией. И противники аболиционистов считали, что освобождение негров развалит экономику и приведет к социальному взрыву. Но кто оказался прав? Теперь стало общим местом, что рабский труд — экономически самый неэффективный, я уж не говорю про социальный аспект. Очевидно, что наличие узаконенного института рабства действует разлагающе на все слои общества.

Блюменгартен. Вы просто еще молодой, Александр. Вы не понимаете, что разрушать несовершенный мир, чтобы построить на его костях светлый новый рай, — непродуктивно. Это делали уже много раз, а толку не добились. Разрушить старое, правда — таким, как вы, идеалистам, — нередко удавалось. Но потом они гибли на плахе, а на их место приходили реалисты, и вместо светлого нового рая вырастал — новый, это правда, но при этом вполне себе жуткий ад.

Передрук. Я и не предлагаю ничего разрушать. Наш новый мир прорастает изнутри старого, поверх него и мимо него. Устаревшее отомрет и отпадет само. Я нередко вспоминаю наш прежний спор. Помните, вы приводили цитату: «Государство — это власть, основанная на силе»?

Блюменгартен. Это, кстати, Ленин. Как бы к нему ни относиться, но человек был не глупый.

Передрук. Так вот, я с этим определением согласен. Но жить в таких рамках — меня не устраивает. Если мне и придется кому-то подчиняться, то я хочу делать это не потому, что у него есть средства подавления, а потому, что я убежден: этот человек действительно лучше меня разбирается в том, что делает. Например, я подчиняюсь врачу, потому что он десять лет учился лечить. Соглашусь с сантехником, который объяснит мне, что унитаз можно починить, а мойку надо покупать новую, потому что он учился чинить три года. Но почему я должен подчиняться полицейскому или чиновнику, который знает законы хуже меня? Почему я должен жить по законам, которые принимали депутаты, хуже, чем я, разбирающиеся в социологии и экономике?

Блюменгартен (*с усмешкой*). Так-таки и хуже?

Передрук. Ну, пока что, может быть, и не хуже, но я учусь и собираюсь учиться дальше. Так что уверен: лет через десять буду образованней большинства депутатов и чиновников.

Блюменгартен. Ну, раз вы так в себе уверены — идите сами в депутаты!

Передрук. Во-первых, в нынешней формации при таких-то взглядах меня до власти на пушечный выстрел не допустят.

Блюменгартен. Это верно...

Передрук. А во-вторых, встраиваться в систему — значит в чем-то соглашаться с ней.

Блюменгартен. Так что же вы предлагаете: каждый сам за себя? Как дикие звери?

Передрук. Есть много разных форм кооперации, которые могут существовать без надзора всевидящего государева ока.

Блюменгартен. Ну, положим, вы сумеете честно участвовать в такой кооперации. Может быть, и я смогу. А куда вы собираетесь девать всех остальных — например, таких как Яков из соседней палаты? Гопники, хапуги, принципиальные туеядцы — они тоже должны встраиваться в вашу вольную безнадзорную кооперацию? И честно сотрудничать с вами и мной?

Передрук. Я же, Иван Арнольдович, не предлагаю установить анархию прямо сейчас. Это путь, далекая пока цель.

Блюменгартен. Это фантастика, дорогой мой! Утопия, как и было сказано!

Кресло-каталка подъезжает к лифту. Лифтерша открывает дверь.

Лифтерша. Саша! Снова к нам?

Передрук. Пока — да, Антонида Семеновна. Надеюсь, ненадолго.

Лифтерша. А что так?

Передрук. Да вот, подумываю... жениться. У вас, кстати, незамужней дочки нет?

Лифтерша. Дочки нет, у меня сынок Антошенька, ты же знаешь. Семнадцать уже. Все вот думаю — чтобы, как ты, на альтернативку пошел. Не в казарму чтобы... Очень я боюсь за него.

Передрук. Теперь у нас в Мурманске процедура уже отработана. Он интернетом пользуется?

Лифтерша. Ох, я и не знаю. За компьютером-то все сидит, а овладел ли этим самым интэрнетом — бог его разберет...

Передрук. Так пусть найдет меня «Вконтакте» или сразу группу АГС в Мурманске. Запомните?

Лифтерша. Прости, роденький, где уж мне! Запиши, пожалуйста.

Передрук достает ручку и клочок бумаги, пишет записку. Лифт доезжает до нужного этажа.

Блюменгартен (Передруку). Переманиваете в свою веру?

Передрук. Мне переманивать незачем. Эта, как вы ее неправильно называете, «вера» является имманентно популярной. Потому что отвечает запросам людей.

Блюменгартен. Вы не считаете, что защита Родины — священный долг каждого гражданина?

Передрук (задумавшись, после небольшой паузы). Пожалуй, считаю. Вот только, боюсь, представления о том, что такое защита, долг, Родина и от чего и кого ее стоит защищать, а главное, как, — у нас с вами будут значительно различаться.

Тем временем Александр довозит коляску до дверей рентгенологии.

АКТ ТРЕТИЙ

Медицинский кабинет в отделении кардиологии. Дверь открыта, видна часть больничного коридора. Нурлыхан Исакоджаевна, Валентина Петровна и Анастасия стоят посреди кабинета, критически и даже подозрительно осматривая огромный старинный шкаф, набитый лекарствами, склянками, утками и прочими медицинскими предметами.

Анастасия. Это что же, всё из него доставать, двигать, а потом назад складывать?

Валентина Петровна. Делов-то, батюшки-светы! Начать и кончить.

Споро принимается за разгрузку шкафа. Анастасия неохотно ей помогает.

Нурлыхан (заметив в коридоре знакомую фигуру). Яша! Слушай, дружок, зайди на секунду.

Яков (входит в кабинет, развязно-услужливо). Чего ж не зайти?

Нурлыхан. Не поможешь трем усталым женщинам шкафчик передвинуть, родное сердце?

Яков (с кислой миной). Шка-аф?..

Валентина Петровна. Господь с вами, Нурлыхан Исакоджаевна, у него же сердце!

Яков (*спохватившись*). Да, Нурлыджаевна, у меня же сердце! (*Картинно хватается за грудь, закатывая глаза*.) Такое родное!

Нурлыхан (*покачивая головой*). Лентяй ты, Яша! С твоим диагнозом кратковременные нагрузки только полезны. А вот курить — вредно для твоего здоровья. И тем более вредно — других снабжать сигаретами. (*Грозно*.) Заметь — тоже для твоего здоровья.

Яков (*с видом искренней невинности*). Нурлыджаевна, да чтобы я! Да вы ж меня знаете!

Нурлыхан. Вот именно — знаю! Как облупленного. И не забывай об этом. Всё, свободен.

Яков выходит, на пороге сталкивается с Александром.

Яков (*шепотом*). Слышь, братан, разговор есть.

Передрук. Да, что такое?

Яков. Брателло, мы ж с тобой реально кореша — ты ведь знаешь, я тоже санитаром батрачил.

Передрук (*хмурится*). Ну?

Яков. Может, достанешь мне там, ну чуть-чуть буквально... (*шепчет на ухо названия лекарств*).

Передрук. Сдурел, что ли?

Яков (*ухмыляясь*). Ладно-ладно, как знаешь! Всё, забыли. Но ты, если что... В долгу не останусь.

Уходит.

Передрук (*передергивая плечами, про себя*). Ф-фу! Вот еще драгдилер доморощенный. «Братан»...

Входит в медкабинет.

Валентина Петровна. Вот и всё, закончили.

Нурлыхан. А тут и Сашка подоспел! Саша, нам как раз нужно...

За сценой раздаётся громкий голос Ассольевой.

Ассольева. А вот здесь у нас, уважаемые члены комиссии!!! (*Слова «уважаемые члены комиссии» она буквально кричит*.) Перевязочная.

Все быстро натягивают медицинские маски, которые до этого висели у них на шее. Анастасия мешкает.

Нурлыхан. Настя, ради всех демонов подземного мира и лично Люцифера Иегововича, прошу тебя!

Валентина Петровна. Свят-свят!

Анастасия (*сдаваясь*). Ладно, ладно. Но только не ради демонов, а ради вас, Нурлыхан Исакоджаевна!

Надевает маску. В проеме двери появляется комиссия: пожилой представительный председатель и две тетки неопределенного возраста с картонными планшетами, на которых поминутно делают заметки. Их сопровождает Ассольева; робяя заглянуть в медкабинет, сначала смотрит только на своих высоких гостей.

Ассольева (*в голосе ее чувствуется невыносимое нервное напряжение*). А здесь у нас, уважаемые члены комиссии!..

Делает трагическую паузу, в то время как члены комиссии внимательно разглядывают персонал кадриологического отделения.

Ассольева (*повернув голову и обнаружив, что все сотрудники в медицинских масках, с невероятным облегчением*). Медкабинет! (*Не выдержав*.) Спасибо, Настенька!

Анастасия (*понура*). Не за что, Ирина Викторовна.

Ассольева. Знакомьтесь, Нурлыхан Исакоджаевна, дежурная медсестра.

Председатель комиссии. Очень приятно.

Нурлыхан. Взаимно.

Председатель. Так значит, вы — дежурная сестра?

Давно нам с вами познакомиться пора.

Скажите же, как в отделении поставлена борьба

За рост износостойкости постельного белья?

Нурлыхан. О, наилучшим образом! Не след

Вам беспокоиться об том. Тем более обед

Вот-вот начнется. Вам заглянуть в тарелки

Возможность. Чуть что — тут повара потребуем к разделке.

Ассольева. Так, я полагаю, вы нас сопроводите, Нурлыхан Исакоджаевна?

Нурлыхан. Да-да, конечно, здесь и без меня справятся! (*Тихо, коллегам*)

А эти без меня не справятся — у нас еще столько простыней необшуганных, стр-р-расть!

Сотрудники отделения потихоньку смеются. Комиссия, Ассольева и Нурлыхан уходят. Голос Ассольевой за сценой.

Ассольева. Вот здесь — палата номер раз!

Входите, после вас...

Анастасия (*срывая маску*). Ф-фу! Дурацкий спектакль.

Валентина Петровна (*осторожно снимает маску*). Ох, искушение!

Передрук (*снимает маску, немного мнется*). Слушай, Настя, у меня тут к тебе будет одно деликатное дело...

Анастасия. Если хочешь, я тебе хоть двойню рожу — только помоги нам наконец с этим проклятым шкафом.

Передрук (*опешив*). Чего родишь?

Анастасия. Не чего, а кого... Значит, берись вот здесь и толкай в эту сторону. А на этой стене Ирина Викторовна хочет полки организовать... (*Передрук упирается руками в шкаф*.) Больница — город маленький. Новости быстро распространяются. Фиктивный брак затеял?

Передрук (*говорит с усилием, толкая шкаф*). Ну.. не столько... брак... сколько... обручение! (*Отпуская шкаф*) Фу-у. Так нормально?

Анастасия (*критически оглядывая результаты работы*). Даже не знаю. Как вы думаете, Валентина Петровна?

Валентина Петровна. Ох, нехорошо, милая моя. Все-таки с такими вещами играть грешно, венчание — дело серьезное...

Анастасия. Про «грешно» понятно, а про шкаф что думаете?

Передрук. Да вроде стоит.

Анастасия. Не качается?

Передрук (*пробует покачать шкаф, и тот с жутким скрипом начинает наваливаться на него, он изо всех сил удерживает шкаф от падения; говорит с напряжением*). Уже не качается. Он падает. (*Сдавленно*) Да помогите!

Втроем кое-как они воздвигают шкаф в вертикальное положение, не дав ему упасть. Передрук на всякий случай придерживает его одной рукой.

Передрук. Пол тут, что ли, неровный?

Анастасия. Может, подпереть чем?

Передрук. Чем?

Анастасия. Чем-нибудь ненужным.

Передрук. Чтобы подпереть чем-нибудь ненужным, нужно сначала найти что-нибудь ненужное, а у нас... а у нас...

Пауза.

Анастасия. Ну? «Находила» нет?

Передрук. Не такая это простая штука — шутить со шкафом в руке.

Валентина Петровна. Вот тут пустые упаковки из-под лекарств. Можно подложить под ножки.

Передрук. О, «находила» у нас таки есть!

Медсестры подсовывают несколько смятых упаковок под ножки шкафа, придавая ему неосторожно устойчивость.

Передрук (*осторожно отпуская шкаф и отходя на шаг*). Вроде стоит. Ну как?

Анастасия. Я согласна. Только потом всю вину свалю на тебя. Скажу: бросил, негодный!

Передрук (*снова кидается к шкафу*). Что значит бросил?! Я что теперь, всю жизнь должен стоять к нему привязанный?! Мне уже пора в рентгенологию за Блюменгартенем возвращаться.

Анастасия со стоном делает фейспалм, закрывая маской глаза и нос.

Анастасия (*выходя из кабинета, иронично*). Вот ведь женишок достался.

Валентина Петровна (*выходя*). Ох, что делается, цари небесные...

Передрук (*смеясь над собой*). И правда, забавно получилось... Однако фиктивная невеста у меня, глядишь, появилась. Осталось представить ее заведующей. Что-то у меня нехорошее предчувствие (*грозит пальцем шкафу*).

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Передрук выкатывает коляску с Блюменгартенем из кабинета рентгенологии. Их уже поджидает лифтерша.

Лифтерша. Саша, он согласен!

Передрук. Кто согласен?

Блюменгартен. И с чем?

Лифтерша. Мой Антошенька! Он, конечно, не из этих самых, но ради такого дела... К тому же, я слышала, их не берут в армию.

Блюменгартен (*с усмешкой*). Вот видите, Александр, к чему приводит ваше разлагающее влияние! Толкаете молодежь на путь порока.

Передрук (*улыбаясь*). Я толкаю? Или ужас перед грозящими нарушениями прав в процессе службы, из-за которого человек согласен даже разгрызывать унижительный для него спектакль?

Блюменгартен (*беззлобно*). Играете словами. Но по сути-то я прав.

Передрук. Нет, это вы играете понятиями, Иван Арнольдович. И по сути вы очень сильно ошибаетесь.

Лифтерша. Так что, Сашенька?

Передрук. Во-первых, это миф, Антонида Семеновна. Гомосексуалов тоже в армию призывают. А во-вторых, мне такой вариант однозначно не подходит. Что-то я не уверен, что хрупкая романтическая натура Ирины Викторовны выдержит подобный вариант развития событий... Тем более что я уже обручился.

Лифтерша (*с облегчением*). Ну и слава богу!

Передрук вывозит Блюменгартена из лифта, они едут по больничному коридору.

Блюменгартен. Так что такого особенного в вашем понимании Родины, Александр, что ради ее защиты вы отказываетесь ее защищать?

Передрук. Я не отказываюсь защищать. И понимание Родины у меня самое общечеловеческое, я просто не готов ассоциировать ее с государством. А причин отказаться от службы в армии у меня много, но основных две. Во-первых, я как пацифист в принципе против насилия. А во-вторых, считаю, что главная опасность для моей Родины исходит не извне, а изнутри. И заключается она в нарушении прав человека, в попрании норм морали со стороны власть имущих и в сокращении политических свобод.

Коляска проезжает мимо Петра Петровича.

Петр Петрович. О чем опять спорите, спорщики?

Блюменгартен. О, вот представитель правоохранительных органов. А то мы с вами, Александр, спорим как дилетанты. Вы кто, Петр Петрович, уже полковник МВД?

Петр Петрович (*не без бахвальства*). Можете считать, что без пяти минут генерал.

Блюменгартен. Рассудите-ка нас, Петр Петрович, как независимый профессионал: альтернативная гражданская служба вместо военной службы — правильный ли это выбор с точки зрения поддержания безопасности страны?

Петр Петрович. А без разницы.

Блюменгартен (*опешив*). Как так?

Петр Петрович. От призывников — с точки зрения поддержания безопасности — все равно никакого проку нет. Воевать эффективно сейчас могут только профессионалы, а необходимость в пушечном мясе давно ушла в прошлое. Если вообще была когда-нибудь.

Блюменгартен. Однако интересные вы вещи говорите.

Передрук (*удивленный не менее, чем его оппонент*). Вот это да! Я на границе переворота в сознании. Правозащитник отстаивает призыв, а силовик выступает за контрактную армию.

Петр Петрович. Время чудес, молодой человек! Можно сказать, переломная эпоха.

Передрук. Ну что, Иван Арнольдович, устраивает вас такое разрешение спора со стороны профессионала?

Блюменгартен (*взмахивая руками*). Не могу не отметить, Александр, что аргументы ваши и Петра Петровича ничего общего между собой не имеют. С другой стороны, курьез налицо. Заставляет задуматься. Можете считать, что в этом раунде — но только в этом! — вы победили.

АКТ ПЯТЫЙ

Медкабинет. У стены — там, куда передвинул его Передрук — стоит шкаф. Больше никого нет.

Анастасия, держа Александра за руку, тягивает его в кабинет.

Анастасия. Так, слушай сюда. Прежний план не годится, я придумала новый.

Передрук (*предчувствуя неладное*). Слушаю тебя.

Анастасия. Если мы оба... так сказать, предстанем перед Ириной Викторовной, а никакая свадьба не будет, то я потом замочаю врать. И о том, почему расстались, и о том, как начали встречаться, и еще тысяча разных нюансов. Нежная душа за отделением потребует проникновения во все эмоциональные оттенки.

Передрук. Да, это, конечно, нечестно — бросать тебя на такую амбразуру.

Анастасия. Поэтому сделаем проще. Надо подгадать момент, когда Ирина Викторовна вот-вот войдет, и поцеловаться. Она увидит и обо всем догадается, а я засмушчаюсь и убегу. Тогда ты закрываешь все свои вопросы. А потом, когда она у меня спросит о дате свадьбы и предполагаемом месяце ухода в декрет, с меня взятки гладки! Какая, скажу, свадьба? Ничего такого не было. Приставал он тут один раз, так вы же, мол, всё сами видели. А тебя тем временем уже и след простыл!

Передрук (*замявшись*). Так-то оно так, но... слишком уж как-то некрасиво получается. Если бы я тебя как бы бросил — то тут я хоть и скотина, но по крайней мере по-мужски. А если выплывет, что я просто обманул, то... как-то это гадко, тебе не кажется?

Анастасия. Гадко — не гадко... Ну, ладно, иди сюда, давай потренируемся. Поцелуй должен быть достоверным — согласен?

Анастасия обнимает Александра, их губы сближаются. За сценой раздаётся голос Ассольевой.

Ассольева. А здесь, уважаемые (*кричит*) члены комиссии!!! У нас снова медкабинет, вы его уже сегодня видели!..

Анастасия и Александр рефлекторно натягивают на лицо медицинские маски, и их поцелуй приобретает двукратный уровень безопасности. Свидетелями этого необычного опыта становятся Ассольева, председатель и члены комиссии, врач Простова, Нурлыхан, Валентина Петровна и Яков.

Председатель комиссии. Совет да любовь!

Ассольева (*заметив на Насте маску, всплескивает руками, умиленно*). Ах! Спасибо, Настенька.

Анастасия (*смущенно*). Не за что, Ирина Викторовна. (*Тихо Передруку*) Ну всё, я сваливаю, выкручивайся.

Передрук (*в последний момент хватая ее за руку*). Дафэ завукать!

Ассольева. Дафэ?

Простова. Завукать?

Председатель (*включается в игру*). Кажется, он сказал «аутодафе зафукать»...

Нурлыхан. Погодите-погодите, это из какой-то песни... Я знаю, сейчас... (*Напевает*) Ля-ля-ля, А-аутодафе...

Передрук (*повторяет то же самое, сорвав маску*). Да что за глупость, я говорю! (*В сторону*) Действительно, невозможно в этой штуке разговаривать. (*Ассольевой*) Ирина Викторовна, это не то, что вы подумали!

Пауза. Дамы — члены комиссии — понимающе переглядываются. Тем временем Яков пробирается из-за спин комиссии и тихонько подходит к шкафу.

Одна дама (*другой*). Молодой человек стесняется. Как это мило!

Яков (*в сторону*). Пока сыр да бор, нашупаю-ка я в этом лекарственном раю чего-нибудь закинуться! Что это тут за симпатичные коробочки на полу валяются? Глядишь, застряло колесо-другое. А ну-ка, идите к папе...

Передрук. Да нет, это правда не... И вообще, Ирина Викторовна, вы меня неправильно поняли. Ум, душа, сердце — это я не про любовь. У меня через неделю учебная программа начинается, юридические курсы, а тут отдел кадров подкинул мне такую собаку..

Ассольева (*разочарованно*). Ах, вот оно что... (*Начинает фразу*) Я полагаю...

Ее прерывает жуткий скрип. От шкафа со смятыми упаковками в руках отскакивает Яков. Все внимательно наблюдают за медленным падением шкафа; падение сопровождается невообразимым грохотом и дребезгом. По всему полу медкабинета разлетаются осколки, разливается жидкость.

Те, на ком еще оставались медицинские маски, одновременно снимают их жестом, каким снимают шляпы в присутствии покойника. Пауза.

Яков. А я что? Я ничего. Да вы же меня знаете!

Председатель комиссии. Одна-ако! (Набирает в легкие воздуха.)

Дамы — члены комиссии — начинают о чем-то оживленно перешептываться.

Ассольева (приходя в себя, начинает быстро реагировать на кризисную ситуацию). Значит, уважаемые члены комиссии, здесь у нас медкабинет. Его вы уже видели. Я полагаю. А теперь давайте осмотрим перевязочную... (Выталкивает в коридор членов комиссии; тихо Передруку) Уберешь здесь всё за десять минут — и подпишу тебе отпуск за свой счет на три месяца. (Подмигивая) Кто я такая, чтобы становиться на пути у жажды к знаниям? Но только чтоб сияло! (Выходя в коридор) Тут вот у нас перевязочная!..

Следом за ней выходят Нурлыхан, Простова и Валентина Петровна.

Передрук. Ура! Я за веником. (Выбегает.)

Анастасия (печально смотрит ему вслед). Ох, Сашка-Сашка... Дурак ты, Сашка.

Занавес

Процесс превращения

Основано на реальном кошмаре,
подтвержденном официальными документами

1.

Все, чего я теперь хочу — убраться как можно скорее из этого суда. Издевательство и глупость, и больше ничего! Дверь под табличкой «Выход», я дергаю ручку и вхожу в коридор, с одной стороны которого — унылые двери под блеклыми номерами 203, 204, 215, а с другой — унылый же серый февральский пейзаж за невымытыми окнами: выдавший виды снег покрывает землю, разлапистое дерево с редкими чахлыми ветвями и какой-то старый драндулет, припаркованный на газоне, на фоне кирпичной стены. Коридор заканчивается дверью с кривоватой надписью «Выход». Я дергаю ручку и попадаю в следующий коридор. Опять двери с номерами: 205, 206, 209, 215, 216... Интересно, почему они идут не по порядку? Непорядок прямо какой-то! — улыбаюсь про себя.

За следующей дверью оказывается еще один коридор. Что-то я не помню, чтобы по дороге в зал суда шел по такой длинной анфиладе. Скорее вырваться отсюда! Ускоряю шаги, чтобы быстрее добраться до лестницы. Нажимаю ручку двери... Еще один коридор! Этот как две капли воды похож на предыдущие, только потолок как будто ниже... И правда ниже! Я могу дотянуться до него кончиками пальцев, если вытянуть руку.

202, 203... Что за черт, ведь такие уже были! Кто у них здесь кабинеты нумерует, невозможно же будет ничего найти. Я прохожу половину коридора, постепенно замедляя шаги. Поворачиваю голову к грязному окну: за ним раскидистое дерево на фоне кирпичной стены и тот же самый драндулет...

Где-то в затылке появляется и начинает нарастать нехорошее чувство, постепенно расплываясь по всему моему телу, и когда оно доползает до мозга, я понимаю, что это чувство — страх.

К черту! Возвращаюсь назад, захожу в предыдущий коридор... Потолок здесь внезапно оказывается еще ниже, и стены как будто ближе друг к другу. Вытягиваю руку вверх — точно, ладонь целиком ложится на поверхность потолка. За окном — то же дерево, тот же драндулет и та же стена. 215, 216. Страх внутри меня превращается в непереносимый ужас, но прежде чем закричать...

Я просыпаюсь.

Сердце бьется как сумасшедшее. Я открываю глаза. Моя постель, моя комната, за окном — серое февральское утро. Господи, доведут эти сволочки до психушки!

Внезапное ощущение счастья от того, что кошмар оказался лишь сном, быстро исчезает, когда реальность входит в свои права. К сожалению, суд-то мне не приснился. Военный гарнизонный. Не суд, а бред...

Сначала командир части Сипенко отправил меня в отпуск. Как говорится, человека проще всего съесть, когда он в отпуске или в командировке... Вот и съели — когда вернулся, оказалось, что вышел приказ командующего Западным военным округом о моем увольнении.

Уволили меня наконец-то. Два года этого ждал — и вот дождался. Уволили-то незаконно. Незаконно, я говорю! Но никто не отвечает?

Я встаю, набрасываю на кровать покрывало и накидываю на плечи халат. Ставлю чайник. Кладу в пустую чашку чайный пакетик, насыпаю две ложки сахара и, задумавшись, кручу в руках ложечку.

Мама-то надеялась, что я наконец перееду в Питер, будем жить в одном городе. Долго теперь придется ждать...

Ну нет, я все-таки капитан Ивановский, со мной так у вас не выйдет! В суд пойду! То есть уже пошел... Черт бы их всех побрал, и командира, и командующего, и суд этот...

В памяти всплывает эта тетка. Как там ее звали?.. Да бог с ней, тетка и тетка. «Рапорта Ивановский не писал», — произносит она скучным голосом.

«Видите, капитан Ивановский? — говорит судья Плахов так, словно я его лучший друг, забывший спяну, где земля. — Представитель вашего командира Сипенко говорит, что не писали вы рапорта! И материалами дела его существование никак не подтверждается. Справка из КЭЧ, справка из РУЖО: на учете как нуждающийся в жилье не состоит».

Но я же писал этот проклятый рапорт! «Я же его писал! — говорю я. — Рапорт: прошу предоставить мне квартиру по избранному месту проживания — в городе Санкт-Петербурге. За кого вы меня принимаете? Я двадцать лет отслужил, а квартира полагается после десяти. Что ж я, сам себе враг, от квартиры отказываться?»

«Может, и так, — еще более скучным голосом отвечает тетка. — Этого части 71216 неизвестно. А только рапорта о предоставлении жилья как нуждающемуся вы не писали. Если бы писали — мы бы предоставили».

«Ну подождите, люди добрые! — я еще пытаюсь договориться. — В 2009 году часть военного сообщения, в которой я служил, была расформирована...»

«Подвергнута ОШМ, организационно-штатным мероприятиям», — поправляет тетка.

«Именно! Если бы я тогда не написал рапорта о том, что прошу предоставить мне жилье, меня бы сразу уволили! А сейчас какой год?»

«Это отношения к делу не имеет!» — перебивает меня судья, из лучшего друга мгновенно превратившись в сурового взыскателя.

«Как не имеет?! — завожусь я. — Сейчас 2012-й, меня уволили — незаконно уволили, заметьте! — два месяца назад, в конце 2011-го. Получается, два года после ОШМ меня не увольняли, а наоборот, прикомандировали к части 71216, в которой я ни к селу ни к городу. Зачем, спрашивается? Ответ логичный только один: потому что по закону, если я нуждаюсь в жилье, но не обеспечен им в установленном порядке, уволить меня нельзя. А обеспечить меня могли только на основании моего же рапорта. Так если я его не писал, зачем меня куда-то прикомандировывать, да еще два года там держать, если мне никто ничего не должен?»

«Этот вопрос не является предметом рассмотрения настоящего судебного заседания», — говорит судья с видом каменного истукана, вещающего единственно верную истину.

«То есть как не является?» — спрашиваю я. Вернее, не спрашиваю. Я тогда уже махнул рукой — что с них спрашивать, если они ничего не хотят знать?

«Рапорт же не иголка! Не может он просто так пропасть! Должен храниться в личном деле!» — говорю я.

«Нету его в личном деле», — нудит тетка. — «Как так нет? Куда же он делся?» — «Никуда не девался, его там никогда и не было, потому что вы рапорта не писали», — и смотрит, паскуда, глазами оловянными. — «Ну давайте истребуем личное дело! Проверим!» — «Незачем. Говорю же, нет там ничего», — и так ухмыляется, что я понимаю: точно нет. Позаботились.

«Ну так хоть посмотрим, что у меня в личном деле осталось, если рапорт оттуда пропал. Ходатайству об истребовании». — «О каком еще истребовании?» — каменно спрашивает судья. «Ходатайству об истребовании личного дела».

«Вот что, Ивановский, — судья жуёт губами. — Незачем, сказали же вам. Суду и так все понятно. Снимите ходатайство, и забудем». — «Ну так мне непонятно. И ничего я не снимаю». — «Вы, — говорит судья, — Ивановский, злоупотребляете своим правом на защиту».

Я снова, как вчера в суде, белею от сдерживаемой ярости. И вдруг чувствую, что что-то обрывается, словно сама ткань реальности сминается от этого несправедливого бреда, верх меняется с низом, а вернее, с боком, и начинает сворачиваться в круг... А, нет, с реальностью все в порядке. Это я согнул ложку, которую до сих пор крутил в бесполезных пальцах.

«И тем не менее ходатайство я не снимаю», — холодно говорю я.

«Рассматривается заявленное ходатайство, — грохочет судья, глядя мимо меня. — Что скажет представитель части?»

«Я против, — мямлит тетка. — И часть против. Тем более что личного дела Ивановского у нас нет». — «Как так нет? — изумляюсь я. — Куда же оно делось?» — «Ну, это... — мнется с ответом тетка. — Оно отправлено...» — «И куда же, позвольте поинтересоваться, отправлено мое личное дело?» — «По избранному месту жительства в отдел военного комиссариата Ленинградской области по городу Санкт-Петербургу».

«Ну вот, в удовлетворении ходатайства отказано в связи с невозможностью истребовать личное дело», — судья снова улыбался и, казалось, даже облизывался, как довольный кот, добравшийся до сметаны.

Чайник уже давно кипит. Я выключаю газ и наливаю непокорную, клочущую воду в кружку. Пытаюсь размешать сахар, но согнутая ложка не хочет туда помещаться. Ухмыльнувшись, разгибаю ее и начинаю осторожно баламутить нехитрое варево.

Бред! Рапорт. Рапорт, рапорт.. Какое дурацкое слово — рапорт! Нет в нем вообще никакого смысла, только какой-то набор звуков. Р.. А... Сердце ухает в пропасть — а вдруг... вдруг я его и правда не писал?.. Да нет, не может же быть! Бред же! Бред и бред! Глупость какая-то...

Так, стоп! Так дальше нельзя, они же меня с ума сведут. Значит, нужно успокоиться, и спокойно — только факты. Факты... Факт первый: я — Ивановский Андрей Александрович. Капитан российской армии. Ивановский?..

Сам не знаю зачем, я встаю и иду к кителю. Вот он, во внутреннем кармане, паспорт. Ивановский! И вот моя... моя фотография? Со снимка смотрит на меня отсутствующим взглядом какой-то незнакомый мужик. Да что же это?! Зеркало где?.. В ванной. Включаю свет. И ничего не могу понять. Та же незнакомая рожа, только небритая. Я прикасаюсь к своему подбородку, и тот, в зеркале, делает то же самое. Щупает свое лицо: челюсть, скулы, нос, лоб...

Да нет, это же я! Я, слава богу! Просто осунулся, глаза ввалились. Сплю плохо. И в паспорте — тоже я. С ума сведут меня, сволочи.

Надо все-таки чаю выпить. Иду на кухню и чуть не спотыкаюсь. Стоп! Как – в Петербург? Как это – «по избранному месту службы»? Или все-таки она этого не говорила, проклятая тетка? Где-то у меня была аудио-запись. Вот диктофон. Мотаем, мотаем... «...злоупотребляете своим правом...» Это судья Плахов, дальше. «Направлено в военкомат...» Ага, вот оно. И правда, говорит: «личное дело Ивановского отправлено по избранному месту жительства!» Значит, не сошел еще с ума! Попались, голубчики!

Если есть «избранное место», то откуда они могли о нем узнать? Где и когда я его избирал? Да в том самом рапорте, и больше нигде и никогда! Родился и вырос я в Ленинграде, служил по всей России, а вернуться хочу туда же – в родной город, где ждет меня мама. Так и написал в рапорте о предоставлении жилплощади – и больше нигде, ни в едином документе!

А что это значит? А это значит, что я вас, дорогие товарищи, еще прижму! Найдется на вас управа. Фальсификация, подлог, все возможные радости – держитесь! В прокуратуру, в следственный отдел, в министерство – всем напишу. Всех не купите. Министра не запугаете.

Чай остывает на кухонном столе. Беру чашку в руку и, начиная прикидывать, что и кому писать, подхожу к окну. Здесь все то же – полумертвое покосившееся дерево, старая «Волга» у облупленной стены соседнего дома. У чая крепкий, свежий вкус, и он прогоняет из головы остатки морока. Но почему, когда я гляжу за окно на февраль, меня не покидает чувство, будто стены вокруг меня сжимаются?

2.

Весь день палило солнце, и жара стояла невыносимая. Стоило вылезти из душа – и снова пот катил градом, все вокруг казалось липким и расплывающимся, как кусок масла на сковородке.

Целый день я пытался поработать, но стоило приняться за документы, напала такая тошная тоска, что бумаги валились из рук. Лишь под вечер, когда жар исчез и осталась только духота, я заставил себя перечитать пару ответов.

«В ходе проверки выявлено... бла-бла-бла... с заявлением о признании его нуждающимся в получении жилого помещения... бла-бла-бла... на протяжении более двух лет без каких-либо уважительных причин не обращался». Что ж я, по их мнению, пил, что ли, беспробудно два года? А дальше что у них тут? «Хотя о необходимости такого обращения для решения его жилищного вопроса он был уведомлен командованием части, в том числе под роспись». Что?! Когда это я под таким бредом расписывался?!

То есть получается, что меня за ручку тянули, ложку буквально в рот совали – на, ешь, бери квартиру, дурачок, а я все отнекивался да на хрен посылал. Недосуг, мол, мне! Интересно: гений, что это написал, сам-то хоть на секунду в такое поверил?

Кстати, кто это мне тут горбатого лепит? А, точно, прокуратура. Спасибо, родные, во всем разобрались!

Доказывают, как обычно, справками из квартирно-эксплуатационной части – КЭЧ – и регионального управления жилищного обеспечения – РУЖО. Вместо того, чтобы проверить, как такие лживые справки могли появиться.

А дальше что у нас? «В приказе командующего войсками ЗВО было ошибочно указано, что Ивановский подлежит направлению на учет в отдел военкомата Ленобласти по Санкт-Петербургу». Ошибочно, значит, а не для того, чтобы сплавить мое личное дело подальше. Как это? Лошадь о четырех ногах — и та спотыкается... Бедненькие, пожалеть их надо — наверное, заработались, так что аж ошибаются.

«Эта ошибка не была своевременно выявлена, в связи с чем личное дело Ивановского было направлено в названный несуществующий военкомат». Вот молодцы! Лучше способа расправиться со мной и не придумать: отправили дело туда — не знаю куда. На деревню дедушке — авось не дойдет. А тем временем все суды прошли, и хрен истребуешь то, чего нигде нет.

«Только 24 июля 2012 года дело поступило в военкомат Санкт-Петербурга, о чем Ивановский был уведомлен 6 декабря 2013 года». Ага — уведомлен, и всё в порядке! Хорошо хоть не написали «своевременно». То есть сначала полгода оно моталось на почте, а потом еще полтора года мне никто не удосужился сказать, где оно. И если бы я не закидал жалобами каждого армейского столодержателя, так бы и не нашли его никогда, и сгнило бы оно, никому не нужное... Как и я...

Ох, господи, сколько же это тянется? Ведь два года уже бьюсь головой о стену. Скоро голова расколется...

«В личном деле отсутствовали копии отдельных документов...» Отдельных — ага! Да оно вообще пустое, из него все подчистую выгребли. Сейчас вернули его в Мурманск, так военком отказывается меня на учет ставить — потому что дело пустое, одни корочки остались. Как будто и не служил двадцать лет.

И что, неужели генпрокуратура потребовала возбудить уголовное дело в связи с исчезновением моих документов? Нет, отправили представление. О чем, интересно? Чтобы выдумали похищенные бумаги?..

Что же мне с этим идиотизмом делать? Как заставить искать черную кошку в белой комнате тех, кто этого делать упорно не хочет? Как доказать, что я не верблюд?

Старая, заношенная шутка. Но, ей-богу, если тебе говорят, что черное — это серое, и белое — серое, и все вокруг серое — то есть что все именно так, как надо, и исправлять ничего не нужно... как с этим бороться?

Стираю со лба пот и пытаюсь разогнуться, но за спиной как будто что-то мешает... Не позволяю себе принимать это всерьез, но все же осторожно скашиваю глаза... Что там за тень за спиной?! Не может этого быть.

Несмотря на духоту, я вдруг весь холодею. И осторожно протягиваю руку за спину. Это просто спинка стула, на который я неровно сел! Ну конечно! Не мог же я всерьез подумать... сумасшествие же! Горб. Смешно!

В воздухе появляется странный звук. Понимаю, что это звонок в дверь. Давненько ко мне никто не заходил — я и забыл звук звонка.

Когда встаю из-за стола, вижу, что солнце уже почти село, но духота и не думает спадать. Гроза будет.

Открываю дверь. На площадке стоят два каких-то диковинных уroda. Один приземистый и широкоплечий, со щелочками вместо глаз, а другой — долговязый и сухой, с лицом, словно автоматное дуло.

— Ивановский? — спрашивает приземистый.

— Так точно. А вы кто такие?

— Я Кэч, — говорит первый. — А это Ружо.

Трясу головой, но наваждение не исчезает.

— Кэч — это фамилия? Или квартирно-эксплуатационная часть?

— Это сейчас непринципиально, — глухо, словно откуда-то издалека, отвечает долговязый Ружо.

Несколько секунд мы молча смотрим друг на друга.

— Собирайтесь, пойдете с нами, — медленно говорит Кэч.

— Куда это? — чувствую, что все тело напрягается — я готов, если что, оказать этим чудилам сопротивление.

— В стойло.

— В... что за бред?!

— Вы верблюд Ивановский, — выдает Ружо. — Пожалуйста с нами в стойло.

— Да пошли вы в задницу! Я капитан, а не верблюд! — отвечаю я и хочу захлопнуть дверь, но Кэч неожиданно подставляет плечо, и они потихоньку вдавливают меня в прихожую. — Вон отсюда! — кричу я.

— Чем докажете, что вы не верблюд? — спокойно спрашивает между тем КЭЧ.

— Я ничего вам доказывать не обязан! — возмущенно отвечаю я и с неудовольствием чувствую в своем голосе нотки фальцета. Так совсем не годится!

В огромных ладонях РУЖО, висящих, словно жилистые листья, на тощих ветвях его рук, появляются наручники.

— У меня военный билет есть! — кричу я, пытаюсь занять оборонительную позицию.

— Военный билет — не доказательство, его подделать можно, — заявляет КЭЧ. — А вот на учете в военкомате вы состоите?

— Я не могу туда никак, военком отказывается меня ставить, потому что у меня из личного дела все документы украли.

— Их не украли, это техническая ошибка, — надвигаясь все ближе с наручниками, цедит РУЖО, и я вижу, что его лицо становится похожим на бездонную угольно-черную воронку, в которую он пытается утянуть мое здравомыслие, мое сознание, все мое существо. — Это всего лишь техническая ошибка, — гипнотизирующе повторяет РУЖО. — А вы — никакой не капитан Ивановский, а всего лишь верблюд. Вот справка из КП СЗВО ДБП ТХЩ АБВГД.

— В стойло, — твердит КЭЧ.

Мне неудержимо хочется плюнуть в их гнусные рожи. Что это?! Или я и впрямь... плевать уже хочется, хорошо хоть колючки есть не тянет.

У меня галлюцинации? Или это просто сон? Тогда надо проснуться. Что там обычно делают, чтобы проснуться? Вроде бы надо ушипнуть себя. Это я еще помню. Вот только... Как правильно пишется: «щипать» или «щепать»? Наверное, «ще», проверочное слово «щепка». А можно ли вообще ушипнуть себя, если не знаешь, как это пишется?..

Я уже ничего не знаю, в голове все перепуталось. Я задыхаюсь. Где-то вдали грохочет гром.

Этот кошмар затянулся. Пора просыпаться.

Мечты о море

В поисках корней

Как я жила? Ну, как... Думала было сказать: так же как все. Да нет, соврала бы: наверное, не так же. Мне всегда было больше всех надо.

Вы, наверное, молодые, думаете, что жизнь так уж изменилась? Много изменилось, конечно, и телефоны, и вся эта электроника, и в Таиланд можно слетать на выходные. В наше время не каждый знал, что этот Таиланд вообще на свете есть, не то чтоб там побывать.

Но главное-то все осталось таким же. Добро и зло. Плохие люди — такие же, как всегда были плохие, а хорошие — они сейчас хороши ровно потому же, почему всегда были хороши.

Вот хоть бы мою маму взять, Марию Ивановну. Мы жили в городе Майкопе. Это в Адыгее. Что?.. Краснодарский край.

Дом — мазанка. Что такое мазанка? Деревянный дом, глиной обмазанный. И беленый потом, конечно. Пол деревянный. Участок десять соток. Да мы, две дочки: я сама, значит, Ольга, и сестра Раиса. Мы погодки, она на год постарше.

Мама на пищекомбинате работала, в винном цеху, на фильтрации. Вино?.. Нет, не воровала. Хоть и зарплата была никудышная. Иногда вообще спиртом платили. Спирт — те же деньги, в деревнях имеет хождение наравне с твердой валютой.

Жизнь была не сахар. Да и сахар-то не всегда в доме был. Но, чтоб нам с сестрой пианино купить (был у нас такой бзик), даже кредит брала. Занимались мы хорошо, да только недолго. Я уж теперь и ноты забыла.

Мы девчонки были задорные, пацанки, целыми днями где только ни пропадали, ничего не боялись. Но мама не волновалась за нас — верила в наши моральные устои. И мы старались ее не разочаровать.

Когда школу окончила — свобода! Как хочешь, так свою жизнь и выстраивай. Я первым делом поехала родню искать.

Сначала отправилась в Барнаул, там должен был жить дедушка, отец мамы. Мама сама-то его ни разу в жизни не видела, но информация сохранилась.

И я его нашла! Дед Иван. Он развелся с бабушкой моей и на другой женился. Оказалось, у мамы еще две сестры есть. Все мы родом-то из Сибири — а вот бабушку занесло в Адыгею!

У деда я два года прожила — очень радостно он меня принял. И жена его — она его старше была, и у нее свои были дети тоже. Люди добрые, сердечные даже.

Они жили в деревне, на берегу реки, в ленточном лесу. Есть такой, шириной четыре километра — через весь Алтайский край, вручную высаженный. Там они и жили, в этой полосе: с одной стороны река, с другой лес. Корова у них, огород — как обычно в деревне.

Я и маму туда вызвала, она приехала ненадолго — как все обрадовались! Все-таки дочь нашлась, про которую уж и гадать забыли. Долго потом подерживали отношения.

И вот в восемнадцать лет, окрыленная таким успешным опытом, я решила и отца найти. Последнее, что о нем знали — что он в городе Волжске был. И я поехала в Волжск.

Фамилия у него другая была, звали его Василий Монахов.

Что? А, сестра к тому времени уж замуж вышла, за военного. И в Германию с ним уехала — он по контракту остался там. Ребенок у нее родился. Вот, значит, она в ГДР, а я в Волжск...

Отца? Нет, не нашла, к сожалению.

Но я уж мотаться никуда не стала — там в Волжске и устроилась на подшипниковый завод. Кем? А в цеху сортировщицей.

Работа не трудная была, сидячая, только нагрузка на зрение. Гигантский цех, яркий свет, металл блестит. Брак искали — вручную, без инструментов.

Но я так всего-то месяца два проработала, а потом меня избрали комсомольским лидером. Я была активная. Где-то несправедливость — я ж сразу встречаю.

Началось с того, что за обедом обсуждали, как одна молодая мама не могла в детсаду добиться места для ребенка. Я сразу: а в профсоюз обращайтесь? Нет, говорит. Ну а я: давай ходим в профсоюз.

Я ж привыкла, что надо командой быть, где у кого беда — всегда поддерживать. Приучили меня к такому вот коллективизму. У него, понятно, и свои издержки есть, но издержки у меня, как мне кажется, не отложились. А вот чувство, что справедливости нужно всегда добиваться, — это для меня первой всего было.

И вот пошли мы с этой мамой... Да не помню уж, как ее и звали-то. Пошли, значит, по мукам: в профсоюз, в детсад, в РОНО. Вдвоем ходили.

Нужно ж было в часы приема попасть, а это подчас в период работы. С завода отпрашиваться тяжело — но удавалось, через профсоюз тот же. Мы ж еще комсомолки были, я с интерната — комсоргом.

Приходим в РОНО... Что это такое? Да с образованием которые. Районный... как его... отдел народного образования, так как-то. Приходим: с чем, спрашиваю, связан отказ? Говорили — очередь. Другой бы развернулся и ушел — очередь так очередь. А я выясняю: какая очередь? Столько-то, мол, человек.

На следующий день идем в детский сад и у заведующей выясняем — нет, оказывается, никакой очереди! Получается, в РОНО неправильная информация? Идем опять в РОНО, чтобы дали отмашку и таки ее устроили.

Сначала-то я думала, что это ошибка. Со временем поняла, что там была договоренность, скорее всего. «Свои» люди шли без очереди, а всяких никому не нужных мурыжили, чтоб места всегда были. Я наверняка своим активизмом наступала на чьи-то мозоли, поэтому вопрос решался. Я тыкала вопросами — и они делали, чтоб отвязалась. Я ведь тогда наивная была еще, обращалась не письменно — а значит, можно было по-тихому со мной вопрос решить, сор из избы не вынося.

Но эта история с детским садом была для затравки, а по-настоящему меня заметили, когда я объявила войну браку.

Поставили, видимо, некачественный металл. Рекламаций писать не стали — наоборот, попытались скрыть. Думаю, были заинтересованные лица, чтобы такой некачественной поставки никто не заметил. В итоге из этого металла один цех вместо хорошей продукции стал гнать брак — так много, что этого уже нельзя было не заметить. И нашему контролю качества пришлось работать сверхурочно и даже в выходные выходить, чтобы следующие за нами цеха обеспечить. Ведь если мы половину изделий

выбраковывали, то тем, кто за нами в цепочке, этих изделий приходило слишком мало, чтобы план выполнять. А этого допустить начальству никак было нельзя! Пятнадцатый подшипниковый завод на оборонку работал.

Ну, я решила, что нельзя с таким мириться: те, кто брак гонит, они ж об этом знают! Бессмысленную работу делают. А мы выходим в третью смену и по ночам сидим на заводе, чтобы выбрать достаточное количество качественных изделий для продолжения цепочки.

Я вспомнила детство и написала «молнию». «Молния» что такое? Ну, стенгазета. Написали на ватмане и повесили на стенку... Что написали? Что в таком-то цехе такое-то происходит: мы обнаружили большое количество брака, который пытаются пропустить.

А это скандал — если бы дошло до директора... Думаете, директор тоже знал? Бог его разберет, может, и знал. Но мог и не знать: там цеха по тысяче человек, завод-то огромный, могли и мимо директора все это проворачивать.

Поток брака в итоге прекратился: его весь изъяли и отправили куда-то. Но через эту историю меня и затащили в комсомольскую организацию. Решили, видимо, мою энергию направить в нужное русло.

Поставили меня комсоргом. Это значит «комсомольский организатор». И вот я три года руководила комсомольской работой почти тысячи человек, пока из Волжска не уехала.

Работа в общем-то рутинная: организация собраний, субботников, в школы выезжать. Соцсоревнования, где есть. Я уж не говорю про писанину... Что такое соцсоревнования? Ерундистика в общем-то. Ох, сами в интернете посмотрите — сейчас у вас это все просто.

Но при том сбить меня с панталыку не удалось: я еще не раз эти «молнии» о браке вывешивала, когда опять начиналось. Так что нельзя сказать, чтоб совсем была работа бестолковая. Но очень меня огорчало, когда ставили стенку: вот тут тебе можно активничать — а туда нельзя.

Куда именно нельзя? Ну, вот хоть с продуктами. С ними вообще беда была. Не было продуктов в магазинах — была рыба консервированная в банках и хлеб, на местном заводе пекли. Картошка еще была. А мандарины, например, вообще не увидеть. Получалось, что зарплата хорошая, но невозможно было ее потратить.

И вот на предприятие раз в месяц завозили продукты: колбасу, мясо... Но распределялось все это по договоренности. Нечестно.

Ко мне, конечно, обращались. Жаловались мне, что обижают женщин, особенно у кого детки — самых беззащитных. Отдавали вместо них тем, кто не первый год работает, какой-то вес имеет. По принципу «ты мне — я тебе».

Этим распределением занимались парторг и профсоюзник. Я когда поднимала вопрос, мне говорили — ты бери, сколько тебе надо. А я говорю — мне не надо, мне надо, чтобы по справедливости. И вот профсоюзник — мощная, тучная женщина лет пятидесяти — говорит мне: «Не твоя кухня. Не лезь, куда не просят. Там все решено — занимайся своей работой».

А мне — 18–19 лет, и остановить меня этим было невозможно. Выхожу на планерке у начальника цеха и говорю: меня огорчает, что я вижу. Так нельзя! Вывесьте информацию, обозначьте людям, каким образом продукты распределяются.

Начальник цеха — мужчина тоже лет пятидесяти, отвечает: «Учтем. Разберитесь, мастера на участках». Но никаких действий никто не пред-

принимал. В итоге они старались все делать в мое отсутствие. Продукты-то раз в месяц привозили — и в этот момент меня старались куда-нибудь отослать.

И уже начинали мстить потихонечку: если я якобы что-то не так работала — карали. Дедовщина уже шла прямая.

Я, чтобы какой-то вес получить, даже в партшколу пошла, меня в партию приняли. Тогда одна была партия, КПСС. Но все равно на меня смотрели, как на младшую, и не пускали «куда не надо».

Но вообще-то о тех временах у меня хороших воспоминаний больше осталось. Молодость все-таки!

Жила в заводском общежитии, в девятиэтажке. Комнатки маленькие, в каждой по два-три человека, душ и туалет на 3—4 комнаты. Но дружно жили!

Благоустривали все, вроде как соревновались, чтобы лучше всех было. Цветов побольше, наклейки на стекла вешали. Тогда наклейки были — «Олимпиада 80».

Ребята были. На всякие съезды приезжали — даже чилийцы были. Друзей было много, времени не было — ужас какой-то беспрерывный. Мне тогда не хотелось ни детей, ни семью завести, мысли были в другом.

Из того, что мне удалось добиться, в заслугу себе ставлю строительство зала для дискотеки. За пределами завода находился клуб, так мы устроили там танцзал: со стеклянным полом с подсветкой снизу, с цветомузыкой. А это 1981 год!

Что-то сами смастерили, что-то заказали: при заводе была строительная компания, они материалы предоставили. Сооружали это все во время комсомольских субботников.

Тогда появились первые видеокамеры — громоздкие такие! Мы снимали видеофильмы, как цех работает. Получались неплохие документалки, их в кинотеатрах пускали перед фильмами, называлось «Журнал».

Жила в общем-то прекрасно, но в какой-то момент поняла, что слишком много времени трачу на борьбу с ветряными мельницами. Надо по-другому.

В Волжске меня уже тогда ничто не держало. Отца я не нашла. К маме не хотелось возвращаться, тем более что у нее уже Раиса жила: с ребенком из Германии приехала, а муж ее Борис там оставался.

А тут одна из девушек, Людмила, говорит, что собирается на удачу рвануть в Ленинград. Я говорю: зачем на удачу? Давай по оргнабору, лимитчиками! Надо несколько лет на стройке отработать — и получаешь жилье и ленинградскую прописку. Так и поехали.

Ленинград

Приехали мы зимой. Вышли на Московском вокзале, и я, как увидела эти горы грязного снега, мусора, каких-то фантиков, — прямо обомлела. Бардак, говорю! Что за сарай такой?

Прямо с порога, с вокзала, хотела права качать. Зайти к дежурному вокзала и поинтересоваться: что творится? Почему не убрано? Прямо через дорогу было не перейти, тем более с чемоданами. 1982-й это был год.

Но воевать мы не пошли, а поехали трудоустроиваться. Досталась нам строительная компания при Кировском заводе. К ночи добрались

до общежития на улице Партизана Германа. Длинный такой дом-корабль. В первую же ночь нас клопы покусали.

Но дальше лучше пошло. Жилось и работалось великолепно. Строили в Горелово филиал завода, рядом с воинской частью. С нами работали военнослужащие из стройбата. Мы их жалели: как таких могли призывать?! Больные все были.

Я подсобником работала, вместе с каменщиком раствор месила. А потом стропальщиком — под краном цепляла груз. Ничуть меня не терзало, что физический и вроде как низкостатусный труд после кабинетной работы.

Где-то три года я на стройке проработала. Огорчало только, что круг общения был довольно замкнутый. Было стремление посмотреть, что творится в городе, но времени не хватало: нас, молодых, использовали по полной.

Однако все равно почувствовала, что культурная столица. Невский вдохновлял. Постоянно встречаешь прямо на улице прохожих, которые пытаются что-то рассказать.

Идем по Невскому — кто-то что-то рассказывает. Останавливаемся, знакомимся, выясняем, кто о чем говорит. Много студентов. Первый раз видим людей, только познакомились — глядишь, уже вместе едем куда-то! Очень большой круг друзей. Но из-за работы не всегда удавалось с ними общаться. Свободнее стало, когда вышла замуж.

С мужем-то? Сначала думала, что повезло...

Я вообще была переборчивая. В рестораны не ходила. И хулиганка при этом была нехорошая. Выбрала для себя стратегию: неинтересен человек, навязывается — назначь свидание. Давай, говорю, встретимся там-то. И не приходила.

Один раз сразу двум назначила, в одном месте у одного кинотеатра, только с разных сторон.

Не знаю, с чем это было связано. Может быть, слишком много было внимания? Потом как-то задумалась: что делаю, идиотка? Но хотя бы честно себя вела — не использовала никого.

Замуж вышла за водителя, который на стройку материалы возил. Андреем зовут. Когда он пригласил, тут я решила, что с этим можно пойти на свидание, и где-то полгода он меня охмурял.

Потом я узнала, что он специально на мой объект заказы брал, даже если терял в деньгах: я стропальщица была, машины разгружала. Ему про меня сказали, что «гулять» со мной бесполезно — надо сразу в ЗАГС тащить. Ну, он и решился.

Чем меня привлек? Тем, что хоть и младше меня был, но вел себя повзрослому, без бравады мальчишеской. Не врал, не приукрашивал — чувствовалось сразу. Уже был женат и развелся. Спортсмен, прыжками с шестом занимался.

В ЗАГС-то меня буквально что затащил. Без моего ведома забрал паспорт, подал заявление. Потом на свидание меня позвал, говорит: ругаешься, что мы никак отношения не оформим. А сама-то замуж выходить готова? Я — а почему бы и нет? Давай хоть через три месяца. А он — через неделю не хочешь? Вот, говорит, уже подано заявление.

Справляли свадьбу летом 1984 года, в коммуналке, была вся наша бригада строителей. Сожалели, что я ушла — Андрей сказал, чтоб больше на работу не выходила.

Он коренной ленинградец, в энном поколении. Из престижной семьи, родственники все с медициной связаны — только он рабочий. Семья жила на Измайловском проспекте в отдельной квартире. А мы оказались в Невском районе в коммуналке.

Но семейная моя жизнь не удалась. Когда стали вместе жить, я начала замечать многие вещи. Он страдал алкоголизмом — поэтому, как я поняла, и из спорта ушел.

Ребенок родился в 1985 году. Назвали Романом.

Еще когда беременная была, заметила, что Андрей много пьет. С работы приходил пьяный. И никаких отношений, разговоров — накормлю, спать уложу, и все. Какие разговоры с пьяным? Постоянно ему веселье нужно было, в гости, где вечное застолье, куда-то тащиться с пьяными компаниями. Домой я их не пускала.

А когда родился ребенок — поняла, что беда. Почувствовала, что это не вредная привычка, а зависимость и деградация. Я сказала: или расстаетесь, или что-то делаем. Он согласился: брошу пить. Но у него не получалось.

Поехали в отпуск на юг, к маме, Роме был год. Днем мы гулять ходили — детская программа. А вечером, я заметила, Андрей все время спит. Говорил, что плохо чувствует. А потом выяснилось: он приходил, выпьет и спать. А потом мама мне говорит, что у нее трехлитровая банка спирта пропала. Ну, Андрей и признался, что выпил тайком.

Стыдно как было — не передать. Сказал бы — она бы на стол поставила, а так... Позорище. Больше всего меня покорило, что он не извинился. Сказал: а что, жалко? Да не жалко, забирай хоть все! Ты же видишь, мама все отдаст последнее. Но так поступить — залезть в чужой шкаф? Для меня это был шок.

В итоге мы из отпуска сбежали. Хоть и билеты обратные были заранее взяты — уехали раньше.

Когда в Ленинград вернулись, он работать пошел только через две недели. И эти две недели в загулах был. Еще полгода я промучилась и его выгнала. Итого вместе мы прожили всего года полтора-два.

Потом поняла, что правильно сделала: он ужасно деградировал. В тюрьме был, убийство на нем какое-то по пьянке. Но при этом не уставал меня другим своим женщинами в пример ставить.

Откуда знаю? А они приходили специально на меня смотреть. Четыре раза это было — четыре разные его пассии приходили знакомиться.

Сын

На свадьбу нам была машина, потом обстановку мы сами купили. После развода родственники Андрея решили заняться дележкой. Это ему, это тебе... Я говорю: забирайте, что хотите, и больше чтобы я вас не видела. Для бабшки после этого дверь была закрыта.

Алиментов он не платил, ни денег от него ни копейки не видела, ни какой бы то ни было помощи. И ребенком они не интересовались. Вот мама и Раиса поддерживали.

В момент развода мне было 26 лет. Когда сыну три года исполнилось, пошла за ним — устроилась в детский сад нянечкой.

Если бы не Рома — не знаю, что бы я делала. Как клубочек счастья он воспринимался. Очень много я его таскала и в лес, и по каким-то культурным программам на выходные — везде с биноклем ходили.

Чувствовала ответственность — что свои проблемы на него нельзя перекладывать. И, может, при том разбаловала. У сильных личностей, говорят, дети эгоистами растут.

Были у меня разные заманчивые предложения — и в администрацию Невского района предлагали, и тетя из Челябинска приезжала, звала к себе на завод каким-то руководителем. Но я отказалась — ведь с такой работой ребенок не может быть рядом.

Из яслей в сад за ним пошла.

Иногда я замечала, что на пищеблоке нехорошие вещи творятся, продукты подворовывают. Не смолчала — прекратите, говорю, или сейчас вынуждена буду обратиться в администрацию и сообщить об этом.

И понеслось! Стали какие-то интриги вокруг меня крутить, то клеветать пытались. Но это мимо меня все проходило — оно мне плавало и ехало. Заведующая в итоге сменилась, а я в другой сад перевелась, вслед за сыном.

Потом устроилась снова на завод. Вагоноремонтный, на улице Седова. И там буянила!

Техника безопасности не соблюдалась. Я катушки с проводом мотала, а рядом делали пайку со свинцом, испарения — а вытяжек не было при этом. И полы были все мазутом загажены.

Я начала читать санитарные правила, поняла, что нам совсем другие условия полагаются — и давай права качать. Вызывала в цех санинспекцию, минуя директора. Пришли, сделали замеры, составили акт. В итоге что — и вытяжку пришлось поставить, и пол вычистили — впервые за черт знает сколько лет!

Когда ушла с вагоноремонтного — как раз пучк был, 1991 год. Рома в математический лицей с первого класса поступил, я хотела ему больше времени уделять. С тех пор много работ разных сменила, нигде подолгу не задерживалась. Точно лягушка-путешественница.

По музеям с ним ходила, по театрам. Много всего. Не во всех побывали, конечно, но во многих. Я приняла, помню, решение — обследовать весь Невский, дом за домом, музей за музеем, театр за театром. Но, естественно, полностью так и не обследовали.

В лицей он у меня на автобусе ездил. Интересно ему было, это да, это точно. Но что-то не получалось.

Вообще-то он на тройки учился, но меня это не раздражало. Я видела его возможности и понимала, что не всем дано быть учеными. Я-то училась — вообще атас. Уроки не учила, но все знала. И то в классе из отличников хорошисткой была.

Относилась к его неуспеваемости легко — ну и бог с ним. Посижу с Ромой, вижу — у него перегруз, стресс. Ну, говорю, давай, что нравится, то и будем делать. Но и хвосты не забываем.

Скорее всего, были проблемы с усидчивостью, а я не могла где надо поставить грань. Дружеские были отношения — чего нельзя до конца допустить с детьми.

Я вспоминала, как меня мама воспитывала — не то чтобы все позволялось, а давалась полная самостоятельность — может быть, мальчику нужно было другое воспитание? То, что он не курил, не пил — уже радовало. Зато я знала его друзей, их подружек — всех.

Жили мы всё там же, в коммуналке. Да и не особо разменяешься: у меня ярмо — бывший муж прописан. Я и сейчас там же живу.

С мужчинами у меня больше не получалось. Нужно же усилия прилагать, чтоб завести отношения, а я больше на РOME сосредоточилась. И потом, нельзя слишком долго быть одной — после этого начинать заново тяжело.

Отношения-то были, но как-то не сложилось. Почему? Наверное, не хотела чего-то менять в своей жизни. Лучше, думала, на расстоянии. И опять же ребенок — как он воспримет? Все мерила через отношение к нему.

А Рома-то к любому цеплялся, ему все равно было кто — он хотел, чтобы был папа. Но я же вижу со стороны, кто на что годен. Поэтому старалась сына реже знакомить. Так и жили вдвоем. А в стране между тем что творилось!

Новые времена

Когда перестройка шла, я переживала за все — была в шоке. В 1991 году написала заявление о выходе из партии.

После путча начала в разных тусовках участвовать.

Столкнулась сначала с христианско-демократическим союзом. Хотелось мне разобраться, что за союз такой. А у меня было много знакомых, которые с ними дело имели. Из партии-то вышла, думала, что дальше делать.

Они тогда на Измайловском располагались, в здании администрации района, в котором множество еще разных организаций было.

Вот пришла я на сборище христианско-демократического союза, а там как раз подписи собирали какие-то, предвыборная гонка. Познакомилась с молодежью, с их лидером. Кстати, этот, который депутат сейчас юродивый, — тоже у них крутился. Тогда еще запомнила его физиономию. Такой скользкий.

Там сразу спросили: кто новенький? Я назвалась и еще два мальчика. И нам сразу особое задание — подписи рисовать. Я не сразу и поняла, что рисовать — это значит подделывать. И меня — левого человека с улицы — тоже к этому хотят подключить.

Я принципиальна до предела, мне это было неприятно. И сказала: нет, ребяташки, кто угодно, но не я.

Если бы понравилось, я бы, может, и посмотрела еще на них: какие у них убеждения, какая программа. Но какие уж тут убеждения, если вон они чем занимаются! Проходимцы.

Через некоторое время те же знакомые меня спрашивали, почему я туда не хожу больше — так я объяснила, и не собираюсь, и им не советую. А потом оказалось, что и ходить некуда.

Почему? Да куда-то они все подевались, и с руководителем их что-то нехорошее случилось — под машину, что ли, попал?

Ах, да еще! В тот же день, как с этими ребятами, я и с «Солдатскими матерями» познакомилась. В том же здании администрации они тогда сидели. Время-то льготное было.

Пошли чаю попить, вышли в холл. Там стояли стенды, а на них — расписание заболеваний для военнослужащих. Это привлекло меня, хоть Ромка тогда еще маленький был, лет семь-восемь, но было информационно интересно.

Ну, зашла я к ним и села. А народу было множество!

Как раз Элла Михайловна вела какую-то школу. Ну то есть лекцию, значит, читала, о правах призывников и военнослужащих. И я обратила внимание, что тут люди по другому принципу собраны. Это не единомышленники, а просто со стороны собралось, друг дружку не знали. На тот момент это на меня плохое произвело впечатление — не было контакта с другими. Теперь-то понимаю, что это они не по интересам собирались, а за помощью приходили, не от хорошей жизни.

Узнала, что беда везде творится. Вообще я и раньше замечала, когда на стройке работала — у нас там были стройбатовцы, — что все поголовно больные, худые, некормленные.

Тогда я запомнила, что вопросы с армией можно решать в правовом поле, при этом не привлекая юристов. Всё в наших руках. Запомнила и, можно сказать, о том забыла. До поры до времени.

Путч? Помню, конечно. Был шок по поводу Ельцина — не понимала, для чего всё это судилище. На мой взгляд, ни в чем он не был виноват. И с Горбачевым что, куда вдруг пропал?

Потом видела, как нищали люди. Про политику быстро поняла, что это не мое. Я не разбираюсь. Каждый хвалит себя, не глядя при этом в корень проблем. И решила, что на это время тратить не надо. Не смотрела телевизор.

Были мысли, что бардак. Видела, что воровство. И что это шло сверху. Растаскивали, например, завод, на котором я работала. Ясно было, что куда-то катимся — но я не понимаю куда.

Про войну в Чечне сразу поняла, как это ужасно. Я же с югов, оттуда. Когда ездила к маме, к сестре — видела, что резко все поменялось. Бывшие одноклассники вдруг начинали говорить о национальности.

Я удивлялась: не знала никогда, кто какой национальности. А оказалось, что там адыги, чеченцы, молдаване. Увидела, как у них начали между собой портиться отношения на национальной почве — очень неприятно было. Раньше-то все было по-доброму, а тут вдруг стало — национализм, все по своим углам.

Выводов тогда не делала. Пока. Понимала только, что не все так хорошо.

Еще заметила, как много стало пьяных. И при этом — никто никого не знает. Мы бегали смотреть телевизор к соседям. А тут люди так разобщились, что даже не знают, кто на их улице живет.

Как-то мимо проходила интересная женщина, я говорю сестре: давай пообщаемся. А она вдруг меня останавливает: мол, не надо назойливо — может быть, ее мужу неприятно. Это что за ерунда такая, говорю? Оказалось, у сестры муж адыгеец, а у той женщины — другой какой-то национальности. И муж этой другой женщины может быть недоволен...

Когда пришел Путин, подумала, что не хватало нам еще кагэбэшников. По мне, так тут сразу все было ясно.

Бесы

Я Роману во всем помогла, чем могла. То музыкой увлекался: на электрогитаре играл, группу создавал, музыку пробовал писать. То каким-то спортом: борьбой, акробатикой. Получалось. Но я видела, что у него проблемы со здоровьем. И лишний раз говорила: давай оставим это в стороне. Он в итоге соглашался.

А потом начал морем грезить. В кружки ходили морские, учился узлы вязать. Моделированием занимался — корабли клеил.

В 2000-м поступил в мореходку, на судовождение, но не окончил. Капитаном хотел быть. Два года проучился, потом поменял колледж на другой — тоже морской. А потом ему сказали, что не сможет получить диплом по здоровью — и он бросил.

Опять же, у нас вечная была беда финансовая. Рано пошел работать, в семнадцать лет, официантом в каком-то ресторане.

Переломный момент в нашей с Ромой жизни — призывные мероприятия. В 2003 году встал вопрос с армией.

Сына вызвали повесткой. Вызвали — значит надо идти! Вот и пошли мы вдвоем. Пришли, там говорят: годен, надо призывать. Еще до медкомиссии — годен, раз в мореходке учился.

Я говорю: так он потому и не учится уже, что по здоровью ушел! Они говорят: принесите карточку. Я говорю: вот же заключение! — А это старое, надо новое!

Ну, мне такая история сразу не понравилась. Стала вспоминать, где была та организация. Звонила по 09 — мне сказали, что такой нет. Потом через кого-то выяснила, где вот есть еще «Солдатские матери» — на Разъезжей. Ладно, думаю, схожу.

Пришла, смотрю — а здесь та же Элла Михайловна, что на Измайловском была в 1991-м! Я же, говорю ей, вас видала, помню!

Сходила к ним на школу. В общем, такая же была, как те мамы, что сейчас приходят, а я уже их учу.

Больше всего меня тогда возмущало, что учиться Роме по здоровью нельзя, а в армию, видите ли, можно! Да такого не может быть! Или дайте тогда учиться — или почему же в армию тогда?

Началось знакомство с законами — по ночам. На независимое обследование денег не хватало, пыталась через поликлинику что-то сделать. В итоге в тот призыв нам затянули вынесение решения.

А к следующему призыву я уже стала готовиться. Искала средства на независимую экспертизу, потом мы ее сделали. А в военкомате отказались принимать эти документы, сказали, что мы их купили! Вот так куплет! Бесплатно нормальных экспертиз не делают, а если за деньги делать — они не принимают.

Заболевания у него какие? Родовая травма, из-за того проблемы с позвоночником. И черепно-мозговые были — его однажды ограбили и сильно избили, когда вечером один возвращался через парк... В общем, неврология.

Тут нас второй раз протянули, и снова никакого решения не вынесли.

К третьему призыву нужно было бы проходить все заново — значит, опять деньги нужны. И осенью 2004-го ему вынесли решение о призыве.

Ох, как они это решение выносили — то отдельная песня была. Мы вместе пошли на комиссию, так там орал на ребенка. Полицейский был из РОВД, угрожал арестовать. — За что, спрашиваю? Вон он сидит, предъявляйте основания и арестовывайте. На эмоции, в общем, разводили.

А из РОНО была женщина, председатель комиссии — так та врала напропалую. Будет, говорит, у вас под окнами служить. Ага, отвечаю, и бабочек ловить? — Да, и бабочек! — Так пусть, говорю, ваши дети под окнами служат, а у меня ребенок больной.

В общем, вынесли решение. Годен!

Ну, думаю, хватит — и тут уж пошла в суд.

Заседания только на следующий год начались, в январе-феврале 2005 года. И чего только не было на этом суде! Ужас. Постоянный комок нервов.

Судья была Невского районного суда. Разгильдяева. Вечно унижала — напрямую сына называла уклонистом. Со мной люди ходили в группе поддержки — так тоже писали жалобы на нее.

Суд тянулся долго, но когда в военкомате почувствовали, что проигрывают — в процессе мы начали поднимать старые документы, начали выплывать подлоги, — они, не дожидаясь решения, зачислили Рому в запас, категория «В». То есть призыву не подлежит. Нам военный билет-то прямо домой принесли, только чтоб отстали!

Но иск я все равно не отозвала, и в конце концов Разгильдяева вынесла решение против нас. На основании экспертизы, за которую военкомат заплатил: там было заключение, что окончательный наш диагноз необъективен, потому что мы у окулиста не были. Хотя у нас диагноз по неврологии! Как будто окулист что-то меняет, когда все другие врачи говорят, что у него несовместимые со службой заболевания!

Военный билет Ромчик все равно уже получил. Но мне пришлось оплачивать военкоматские расходы на экспертизу — 24 тысячи рублей.

Конечно, по-хорошему надо было это решение обжаловать: и денег жалко, и несправедливо это, платить им ни за что. Но в тот момент я не стала решение обжаловать — чисто человеческих сил уже не имелось. Конечно, все там было шито белыми нитками, но в одиночку я бы не справилась — тяжело переносила прессинг суда, и судья это использовала.

Как? А очень просто: задает она один вопрос и, не давая ответить, перебивает и тут же другой задает. У меня паника — где уж тут подумать! Я ничего не вижу и не слышу. И поэтому я многих понимаю, когда люди говорят, что не справляются. Это от незнания — и против нас это лихо использовали в судах.

Но сейчас я этот барьер переступила и хожу в суды, когда других защищаю. Как включилась? А сначала просто приходила — волонтерила. Поняла, что здесь далеко не вся жизненно важная информация есть. Я помогала, получала ее. А потом делилась опытом. Взаимный обмен.

И втянулась. Сколько сюда посетителей приходило — я же видела, что сотрудники не могут разорваться, люди иногда друг у друга на головах стояли. Что? Да, сейчас намного меньше. Может, демографическая яма, а может, люди стали более информированные, многое можно найти в интернете.

В общем, как у меня выдавалось свободное время — я сюда, в организацию. А тут, как всегда, и слезы, и военнотруженики полумертвые, избитые. Чувствовала, что надо помочь, а главное, понимала, что могу помочь. Тем более раз мне помогли.

В какой-то момент мы обнаружили, что ходим по кругу: только решения призывных комиссий обжалуем. То есть мы уже сами выступаем как придаток для системы — кормим адвокатов, экспертов. А нужно бить в источник!

Где источник? Оказалось, что это детская и взрослая поликлиники, а потом — в личных делах. Когда я заглянула в личное дело Ромки — там столько подлогов! И вот теперь стараемся не доводить до суда, рубим корни подлогов в поликлиниках.

Сейчас с людьми общаюсь, консультации даю, но главное — на горячей линии, на телефоне.

Мне звонят, рассказывают историю. Моя задача — эмоциональный рассказ прервать и начать задавать вопросы по существу. И тогда уже дать первые советы, элементарные. Если повестка — нужно то-то. Или где-то что-то не дают — действовать так-то. А если каша в голове и ничего не понятно — тогда тащить на школу прав человека.

Или вот звонят — наряд полиции под дверь! Даю советы. Какие? Ну, во-первых, созываем всех друзей, родственников — нужны свидетели, если какой-то беспредел творится. Фиксировать машину, на которой приехали.

Один случай был — пришла полиция и с ними кто-то в гражданском, а в доме открыли дверь. Мальчик, понимая, что его сейчас насильно незаконно уташат, не стал идти на поводу. Спрятался в туалете, а девочка его, в гостях была, не давала открыть эту дверь. Я на телефоне висела, и мы все это в горячем режиме проговаривали.

Какие документы у них, говорю? — Показывают какую-то бумажку рваную, предписание какое-то. Она взяла его читать — ничего, говорит, не понимаю, что написано. — Давай тогда личность полицейского проверим. Он в форме был, но удостоверение так и не показал. Что, думаю, за клоун такой? Вызывай другой наряд полиции!

Приехала еще полиция, тех первых выгонять не стали. Она им — выйдите, пожалуйста, — а сама все уже пишет на телефон, на камеру. Они не выходят, принялись бродить по комнатам, у девушки документы забрали — вы, мол, не по месту прописки. Я говорю: ну, значит, вызывай еще наряд, третий, для восстановления порядка!

Третьего они дожидаться не стали и ушли.

Или вот другой был случай. Отец открыл дверь, не спросив, кто там. А там — полиция и военкомат. Отец сыну и говорит: к тебе, неси документы. Он им спросонья паспорт и приписное отдал, а потом только набрал мой номер телефона.

Я ему диктую. Повторяй вслух мои вопросы: какие основания для изъятия паспорта и приписного? Спрашивай у них документы и вызывай соседей в свидетели. Так они — слышь-ка — бросили документы на ступеньку — мол, мы ничего не берем! А он-то меня им представил как дежурного прокурора, на телефоне. Ну, те и говорят «для прокуратуры» как можно громче: мы ничего не изымали, а нашли документы здесь, на ступеньке! И ушли побыстрее.

Так что, в общем, живу весело!

Мама

Пролог

Есть на планете Земля город Борзя Забайкальского края. Как говорит статистика — самый солнечный город в Российской Федерации. Солнце здесь светит 2800 часов в году, что в 1,62 раза больше, чем в Москве. Не знаю, может быть. Как по мне, Борзя — это филиал ада. Ну, может, не сам город, а военная часть там — это точно. Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...

Чем филиал отличается от собственно ада? Это просто: в ад, я слышал, ссылают только плохих людей, а в филиалах полно хороших. Только они ничего не могут сделать.

Есть там начальник медчасти такой, гробина двухметровая. Мерзьев. Говорящая, в общем, фамилия. Назвать его врачом — это как... Вот Менгеле тоже был «доктор». У Мерзьева один метод лечения: обратился за помощью — получай! Ставит к стене и кулаком в лицо. Температура под сорок, все равно — на тебе! И будет бить, пока «не пройдет». Все, выздоровел? Ну, иди дальше «служить».

А болеют непрерывно. Все время ветер и все время холодно. Степи же кругом. Минус тридцать, а снега нет. Ветер ледяной. Мне до сих пор этот холод снится. И трупы...

Я сам двух холодных из петли вынимал — это только за четыре месяца и только в нашем батальоне. Сами они или кто-то помог — не знаю, да и не интересно это никому.

Там же постоянно междоусобица. Буряты черт знает почему на ножах с тувинцами, дагестанцы отдельно. Ну и русские — тоже. То толпой на одного, то массовые драки. И по ночам ходят с заточками и режут. Вышел ночью в туалет — утром нашли двухсотый.

Наша часть особенная была, туда косячных офицеров отправляли. Тех, кого тюрьма ждала. А какие офицеры — такие и солдаты. Не все, конечно. Был один лейтенант, вступался за нас. Да и комбат наш был приличный человек. Но в части двенадцать батальонов, а он — один...

И голод постоянно. Нам говорили, что из нас чекистов готовят. Это значит — чтобы могли уничтожать все и вся на своем пути. А для этого надо в человеке все человеческое уничтожить. Один раз нарочно не кормили неделю — чтобы учились без еды выживать, сами добывать себе пропитание. Птиц, собак, кто что сможет... Или воровать. Воровство в армии — это не воровство в привычном понимании, это основной способ экономических отношений. Так же как мат — это основа коммуникации.

По сравнению с частью в госпитале уже не так плохо было. Ну, может, хуже, чем в тюрьме, но не так, как в части. Хотя и били, конечно, и издевались, пару раз пытались зарезать заточками, а все же... Однажды на меня кровать упала: двухъярусные койки сдвинуты парами, и на каждой такой двойной кровати лежат четыре-пять человек. Старый крюк железный не выдержал, и верхний ярус рухнул, мне голову пробило.

Но все это я уже мог выдержать, хоть и из последних сил. Главное — я знал, что мама где-то рядом. Мама. Если бы она меня оттуда не вытащила...

В греческих мифах какому-то герою пришлось спускаться в Аид, чтобы освободить того, кого он любит. Но он справился за один раз, а мама спускалась ко мне в преисподнюю каждый день.

Черная зима

1.

Елена Юрьевна в Чите была два раза. Сначала в сентябре, потом зимой три месяца. Что это была за зима...

Муж ее оставался дома, в Озерске, работал. Лишь пару раз прилетал ее навещать.

Она снимала квартиру, неплохую в сущности однушку, но назвать ее домом язык бы не повернулся. Потому что каждый вечер, возвращаясь туда, она была одна, а Алеша оставался там. И не просто один, а гораздо хуже.

Елена Юрьевна поднималась по полутемной лестнице на второй этаж, поворачивала ключ в замке, и ее встречала залитая мраком прихожая. Это, наверное, был самый худший момент, словно из одной темной ночи приходишь в другую, и так без конца.

Она старалась как можно скорее включить свет и закрыть за собой дверь, поставить чайник. Пока он закипал, она сидела на тихой кухне, ни на секунду не оставляя без присмотра мобильник. Теперь это было важнейшей частью ее жизни — все время ждать тревожного звонка. Потому что с Лешей в любую секунду могло случиться все что угодно.

И еще пыталась не думать, отключить память. Вечерами сил души и рассудка оставалось у нее так мало, что все равно ничего внятного и толкового сделать она не могла, жалобы и звонки оставляла на утро — от пробуждения до часа посещения было для этого довольно времени.

На пороге ночи же она лишь растревляла себя бесконечными повторениями одних и тех же гнетущих мыслей, воспоминаний и страхов. Но остановить это у нее не получалось.

Отвлечься тоже не получалось: телевизор вызывал тошноту, буквы в книге складывались в хаотический ребус бессмысленных словосочетаний. И в какой-то момент глаза застилала пелена, и она вновь и вновь ловила себя на том, что опять вспоминает тот или иной эпизод этой бесконечной каторги, пытаясь оценить свои действия и упущенные возможности.

Наверное, самое страшное было, когда Алешка первый раз позвонил по мобильному и сказал, что болеет, а в госпиталь его отказываются класть. У него уже воспаление легких было, а тут Мерзяев этот, она тогда впервые услышала о нем... Почему самое страшное — потому что не знаешь, что делать. Куда писать, кому звонить?

Все внутри нее напряглось, как будто этот звонок был только что, как будто это снова сейчас... Она вспомнила, сколько времени и сил потратила зря, как тыкалась туда и сюда, словно слепой котенок: Путину писала, Сердюкову писала...

Во всех подробностях перебрала историю с отправкой денег Леше на лекарства: как нашли сослуживца, у которого была сбербанковская карта, как сделали ему перевод, чтобы он мог купить лекарства.

Вспомнила, как искала помощь, и наконец наткнулась на правозащитников, сначала в Челябинске, а потом в Питере — те, что в Питере,

больше всего помогали. Стали слать запросы, жалобы, и сына положили в госпиталь сначала в Борзе, а потом в Читу перевезли. Ну, и она тогда впервые приехала сюда — к нему.

Вспомнила первый визит в госпиталь — и новый шок. Разговор с лечащим врачом, женщиной хорошей, добросовестной. Назначения любые давала. Но что она могла сделать? У них ничего здесь нет. МРТ ему нужно — а где его взять?

Лечащая внимательно рассмотрела все медицинские карты, которые привезла Елена Юрьевна. «Как его призвали-то с такими заболеваниями?!» А вот так. Плотно зажмурившись.

У него остеопороз — пять переломов только стопы. В детстве — серьезная травма головы. И с иммунитетом проблемы — ветер он вообще не переносит, сразу простужается...

А потом был разговор с начальником отделения. Рыхлый такой дядька, с характерным запахом алкоголя. «Да что вы тут ходите? Ваш сын здоров как бык!» — прогавкал он так, как будто это она в его армии служит. И такие там запроваляют.

Для них и солдаты — пыль, трава; а они: родители, бабушки и дедушки — нелюди. Прямо при ней, не стесняясь, что хотели, творили. Подходит к такому больной мальчик, говорит, дайте таблетку от живота, не могу боль терпеть. А тот ухмыльнулся и отвечает: ты же знаешь, что нет медикаментов и мне легче тебя расстрелять, чем лечить...

Елена Юрьевна дословно восстановила в памяти заявление, которое написала в тот первый день, прямо из госпиталя отправившись в прокуратуру. Фразу за фразой, и про «здоров как бык», и про «расстрелять».

Алешу тогда подлечили — но что с того? Военно-врачебная комиссия как будто не ее мальчика оценивала, а какого-то супермена. Никаких документов смотреть не захотели: вылечили — отправляем в часть!

Тогда они решили сбежать. Приехать в Челябинск, там прийти в военную прокуратуру — тогда вынуждены будут делать еще одну ВВК, но уже не здесь, не в Чите...

Снова вспомнила она, как с замиранием сердца ждала Лешу у госпиталя, и как он наконец вырвался, просочившись мимо равнодушных вахтеров, и как вместе они рванули на вокзал, взяли билеты... И как все внутри у нее рухнуло, когда в вагоне она увидела полицейских. Их отследили, сняли с поезда. Лешу посадили сначала в обезьянник, а потом все-таки отправили в часть, в эту проклятую Борзю.

И с сентября до самой зимы он служил, а она сидела у себя в Озерске, ни жива ни мертва, и точно так же, как сейчас, боялась на миг оставить мобильник.

Конечно, Алеша снова заболел воспалением легких, снова становилось ему все хуже и хуже и снова Мерзьяев... но об этом она даже думать не могла. Как можно бить больного ребенка?!

И снова звонки в Питер, и снова правозащитники писали жалобы, и каким-то чудом удалось вырвать Лешу из мерзких лап живодеров. Его снова положили в госпиталь в Чите, и она, конечно же, тоже вернулась в этот город. И вот уже почти три месяца живет тут. И кажется, что не будет конца этой зиме...

2.

Когда она только приехала, в первый раз ее не пустили в госпиталь. Пытались не пустить. Интересно, как им удалось бы ее остановить! Это было на второй день после ее приезда.

Тут же встала перед глазами жуткая картина — каким она увидела сына в тот день, в первый раз в декабре. Она сначала вообще его не узнала. Настолько он был весь раздутый, опухший, отекший. Ноги были чуть не черные, кашлял непрерывно. Жаловался на почки, говорил, что болит спина. Да еще контузия — он получил ее, когда в части метали гранаты.

Конечно, пошла жаловаться! Обследуйте, выясните, что с ним!

А на следующий день дежурный вахтер заявил, что ей отказано в проходе. Она подняла скандал, вызвали руководство.

— А вдруг вы опять его украдете? — нагло ухмыльнулся начальник отделения, дохнув ей в лицо винным запахом.

— Не дождетесь! — сквозь зубы ответила Елена Юрьевна. — За него теперь вы несете ответственность. А я буду здесь — проверять. До тех пор, пока его не комиссуют. И не дай бог с ним хоть что-то случится!

Вместо свидания с Лешей она пошла в прокуратуру. Опять звонки в Питер, заявление — и буквально через несколько часов позвонил лечащий врач и пригласил ее прийти, побеседовать о здоровье сына. Больше ни разу не посмели встать у нее на пути — не без удовлетворения подумала Елена Юрьевна.

Но в тот же миг предательское воображение нарисовало ей картину альтернативной реальности — что, если бы у нее не хватило сил, если бы не было в тот момент нужного запала? Если бы она хоть на миг сдалась, развернулась и ушла? Был бы он сейчас... жив?

К черту, к черту и к черту! Ей хватило сил, и она не сдалась, и не могло быть иначе! И Лешку она вытащит из этого гадюшника, и все будет хорошо! Не для того она его рожала, чтобы оставлять на растерзание этим людоедам.

А дальше началась рутина, жуткая. Но вместе с тем обнадеживающая. Каждый день Елена Юрьевна ходила к сыну в часы посещения: с восьми до девяти вечера. Нужно было пройти железные двери, заполнить бумаги... в итоге с Лешей оставалось посидеть минут двадцать от силы.

Каждый день он выглядел чуть-чуть лучше. И каждый день рассказывал новые ужасы. Так буднично, как будто это что-то само собой разумеющееся. Или не рассказывал — и это было еще хуже: вдруг он скрывает от нее что-то настолько жуткое, что даже не осмеливается с ней поделиться?

Какие-то пьяные не то «врачи», не то еще какие ублюдки — он так и не признался пока, кто именно, — «прокачивали» больных по ночам. «Пробивали фанеру» — это означало бить в солнечное сплетение. Но Леша просил меня не жаловаться, чтобы не стало еще хуже.

Еще какие-то пациенты-урки пытались его ограбить и чуть не зарезали заточкой прямо в палате. Господи, и это госпиталь!

Потом начались *эти* звонки.

— Если ты не уедешь в свой долбаный Озерск, ваш отец получит два груза двести!

Но Елена Юрьевна не испугалась, а лишь похолодела от ярости:

— Я сейчас позвоню в ФСБ, вас вычислю, и посмотрим еще, кто куда поедет!

Тогда угрожать словами по телефону перестали, просто звонили и молчали. Она понимала: главное, не ломаться и не миндальничать.

— Пыхти-пыхти, я тебя сама еще поймаю! — усмехалась она в безмолвную трубку. И добавляла еще кое-что, от души.

Да, Елена Юрьевна, тридцать лет проработавшая в детском саду воспитателем и на дух не переносившая мату, под конец жизни научилась материться. Выучишься там, где другого языка не понимают!

Потом Леша заболел ветрянкой, и его положили в инфекционное отделение. Туда уже ни в какую не давали пройти — карантин. Передачи не принимали. Ребята там друг друга мазали марганцовкой — даже зеленки у них не было! Именно там, в инфекционном, на него упала кровать... Хорошо, что сосед по палате догадался ей позвонить.

Тогда в Читу как раз ненадолго прилетел отец. Они вместе ворвались в госпиталь. Их еще не хотели пускать! Елена Юрьевна еще никогда не видела своего Виктора, человека вообще мирного и уравновешенного, в таком гневе.

— Я здесь, и я увижу своего сына! Иначе я сейчас же иду в прокуратуру и пишу заявление о покушении на убийство!

В итоге Лешу к ним вывели. Выглядел он, словно призрак... Рану на голове, как потом оказалось, даже не удосужились зашить — остался шрам.

Из-за ветрянки и этого ранения снова откладывалась комиссия. Но когда сын наконец ее прошел, заключение дали уж совсем ни в какие ворота — направить на обследование в психиатрическом отделении. Как будто у него в анамнезе не было других оснований, чтобы комиссовать!

И вот он уже неделю лежит в дурке. Как ни странно, здесь оказалось больше нормальных людей, чем в обычной палате. Несколько тувинцев, которые резали вены, чтобы их комиссовали. Но есть и те, кто на самом деле повредился рассудком от всего этого кошмара.

— Что же это будет? — прошептала Елена Юрьевна. Надо бы было поест, но голода она не чувствовала. А значит, лучше всего было лечь в кровать и попытаться заснуть.

Зазвонил мобильник. Елена Юрьевна вздрогнула, но тут же у нее отлегло от сердца. Витя, муж.

— Танюша, ну как ты там? Как Леша? — спросил родной голос за тысячу километров от нее.

Тогда мама не выдержала и заплакала.

Эпилог

Мой сын ездил в Борзю трижды. И четвертому не бывать.

Его комиссовали не по остеопорозу, не из-за контузии — нет, написали в диагнозе «нервный срыв». И он должен был еще раз приехать в часть, чтобы оформить документы для выхода на гражданку. К счастью, меня оформили сопровождающей.

Мы провели в части полдня, и я не отпускала его от себя ни на минуту. Когда пришли в казарму, какой-то хам, называющий себя офицером, попробовал на меня орать — матом, естественно. Но я ткнула ему в нос булавку — «сопровождающий»!

Комбат очень помог: заставил там всех побегать, и нас оформили за полдня.

— Ваш сын — замечательный человек, настоящий мужик, — он сказал. — Я сам воевал в Афгане и скажу, что с вашим Лешей я бы в разведку пошел. Он попал не в то место.

Только к Мерзяеву сын пошел один. Очень тому хотелось Алешу избить, но не посмел — я была за дверью и тут же все сняла бы на камеру. Изрыгнул ему мерзость напоследок и подписал все, что положено.

И мы уехали. Кончено!

Больше в эту клоаку я своего мальчика не отпущу. Хотя одним когтем они его еще пытаются цеплять: комиссовали-то его не совсем, дали только отсрочку на пять лет до переосвидетельствования, подлечить нервный срыв. А потом он якобы должен пойти дослуживать оставшиеся месяцы. Но он не пойдет, потому что теперь его точно комиссуют. Это я обещаю.

Запутанное дело

Единственная в книге абсолютно фантастическая история, почерпнутая исключительно из больших фантазий автора

1.

Майор Дроботов доподлинно знал в жизни три вещи: во-первых, к пустой голове руку не прикладывают, во-вторых, пустые на стол не ставят, и в-третьих, свято место пусто не бывает. И оно не было пустым — святое место на стене над его столом, в простой блестящей металлической рамке, пятнадцать лет назад вновь наполнилось ясным смыслом с ясными серыми глазами.

Майор Дроботов служил в следственном отделе следственного управления следственного департамента следственного комитета. Следователем. Столько следствий, собранных в одном месте, не могли остаться без последствий — и подследственных у Дроботова было много.

Он хорошо знал свое дело. Он ловил и фальшивых ученых, разбазаривающих секретные сведения, для отвода глаз почерпнутые из открытых источников; и демонстрантов, неспособных между строк узреть сакральные запреты в законе о митингах; и даже режиссеров, превратно понимающих значение слова «светское» в приложении к государству.

И наконец в один прекрасный день рвение его было отмечено, старания его вызвали отеческое одобрение там, куда Макар телят не гонял, и его кинули на главный фронт последних лет, косивший опытных сотрудников десятками. На разоблачение иностранных агентов.

Майор Дроботов хорошо представлял себе, кто такие эти иностранные агенты. Презренные существа, носящие поверх своих истинных морд чужие личины. Утром они играли джаз — и уже вечером, даже не дожидаясь наступления следующего дня, продавали Родину.

Кто-то торговал ею в развес, мелкими порциями, завернутыми в брикеты из промасленной бумаги. Другие — ведрами и тачками. А иные — целыми кадастровыми номерами. Их тлетворными стараниями Родина, его родная Родина, в ситцевом платочке, со слезами на старческом морщинистом лице, отправлялась в далекую ссылку в места, непригодные для проживания. Куда-то на Огненную землю, где мучилась в приступах иссушающего кашля, вызываемого ядовитыми испарениями вулканов, гейзеров и чуждых ценностей. Плача кондовыми слезами, она терпела все мыслимые и немыслимые бедствия, и лишь посконная тяга к жизни, этот неумолимый якорь в буре житейских невзгод, не давала ей окончательно пасть духом.

Спаси! Найти! Обезвредить! Этими благами целями день изо дня бредил майор Дроботов, покладывая руки, пока последняя бестия не выключит свой дьявольский приемник, не уберет холеные пальцы с черной компьютерной клавиатуры, с помощью которой пока еще строит свои лукавые козни. А убрать пальцы ей придется, потому что запястья ее сцепит за спиной стальными браслетами самолично он — гордый и прямой защитник, майор Дроботов.

Но враг был хитер! Враг был коварен и прижимист и не спешил раскрывать майору свои крапленые карты. Найти предателей было несложно — сложно было ухватить их за ядовитое жало. Уж очень любили они

представляться граду и миру в белых одежонках, такими борцами за все хорошее против всего плохого. До такой степени возросло их гнусное влияние, что само слово «правозащитник», означающее, как известно, защитников правого — то есть государственного и государева — дела, они прихватизировали, объявили своим и извратили до полной противоположности.

Но и майор Дроботов был шит не лыком, а прекрасным армейским сукном производства фабрики «Большевичка». Он давно понял, что пресечь грязный аукцион по продаже столь милой его сердцу Родины можно лишь одним способом — оборвать инагентам тайные источники финансирования, что липкими тенетами окутали невинные перси нежной Родины. Словно кровососущие пауки, агенты цеплялись за тошнотворные канаты паутины своими волосатыми когтистыми ножками и сосали, сосали живительные соки из нежной груди... Но если разом перерубить все отростки этой мерзкой пуповины, то кишачий клубок предателей навеки рухнет в пучину, а Родина, его прекрасная Родина, с веснушками на чистом улыбающемся лице, наконец-то сможет вздохнуть свободно, расправить плечики и подняться с колен.

Итак, между этой райской картиной благорастворения воздушных и им самим, майором Дроботовым, стояло лишь одно препятствие, и он намерен был вырвать его с корнем. Как только обнаружит.

Майор Дроботов был человеком упорным, и от дела не лытал. Долгие два года собирал он документы по всем известным следовательскому братству логовищам иностранных агентов, железным кулаком Минюста заставляя их раскрывать каждую постыдную тайну. А потом выискивал в этих тоннах бумажной руды самоцветы ценной информации.

Вот сомнительная некоммерческая малина провела тренинг по проблемам ЖКХ; тут некий подозрительный фонд замастрячил семинар по разъяснению молодежи каких-то диких, совсем не нужных ей прав; а там состоялась акция в поддержку заповедника, которую на первый, поверхностный взгляд организовала парочка безвольных так называемых активистов — на самом деле, конечно, марионеток в опытных руках их закулисных господ-инагентов. Сбор подписей в интернете за защиту бельков от истребления? Майор Дроботов проверит, не тянется ли отсюда склизкий след в ближайший правозащитный притон.

Кто бы увидел за этими якобы невинными мероприятиями хорошо продуманный коварный план по околениванию Родины? Да никто! Никто, кроме...

И в конце концов из тьмы разрозненных фактов и фактиков, раскиданных в океане никому не интересных событий, проступила чистая и ясная, как слеза комсомолки, истина. Все частички головоломки встали на свои места, и майор Дроботов нашел окончательное зерно зла.

Такого-то числа этого-то месяца этого года со станции Шепетовка на станцию Дно прибудет немаркированный пломбированный вагон, хранящий кошечье сердце — доллары США мелкими немечеными купюрами, в размере... Но даже цепкий ум майора Дроботова не мог охватить разом всей этой долларовой массы, и, чтобы не пользоваться первым пришедшим ему на ум метким определением суммы — «до хрена», — он из соображений цензуры написал его просто: вагон долларов.

Именно эти доллары — теперь майор был окончательно уверен! — использовались презренными троянскими парнокопытными, чтобы сначала

по дешевке, как пользованную стеклотару, скупать кусочки плоти Родины у наивных несознательных граждан, а потом продавать их втридорога — туда, в кабалу, на Запад...

— Все нити сходятся на станции Дно, — тихо сказал майор Дроботов, откладывая в сторону толстый том уголовного дела.

Ночь истекала. За окном ревели веселыми голосами первые троллейбусы — утро вступало в свои права. И у майора Дроботова начинался новый рабочий день, неумолимо выраставший из дня предыдущего.

Лишь минуту отдыха позволил себе майор — снял китель и размял затекшие могучие плечи. Провел в воздухе прямой и хук правой, апперкот левой и улыбаясь своему отражению в чуть запылившемся зеркале.

Скоро, скоро окончит он свой тяжкий труд, и тогда найдет своим умелым мозолистым рукам лучшее применение — возьмет в них наконец не постылое перо, а честную соху, верный руль дальнбоя или нежные длани любимой. А пока...

2.

Над станцией Дно занимался серый рассвет. День «Д» настал, приближался час «Ч», когда все важнейшие упыри и вурдалаки страны соберутся на шабаш и скинут свое фальшивое обличье, покажутся в истинном свете — ведь именно такую силу имеют над нечистью американские доллары. И чем больше валюты собрано в одном месте, тем сильнее воздействие. Майор Дроботов не сомневался, что целый вагон долларов сможет выявить настоящие бесовские рыла даже у самых прожженных инагентов.

Майор занял наблюдательную позицию на башне станционного вокзала. Его знобило от холода, но Дроботов стойко превозмогал все лишения. За последние двенадцать часов наблюдения он трижды силой воли заставил себя расхотеть идти в туалет — что ему был какой-то предутренний холод! Не отрываясь от окуляров, обшаривал он в бинокль сам пломбированный вагон, одиноко стоящий на дальнем пути, и все подступы к нему. Но пока что никакой активности инагентов замечено не было.

Снизу раздавалась рваная песня пьянчуг, которые все никак не могли отрубиться в алкогольном обмороке. Майор Дроботов прислушивался к знакомым словам не без упоения — когда-нибудь и он сможет так же, в едином порыве вместе со всем своим народом, до утра упиваться дешевой водкой и горланить песни на вокзале! А пока...

Время шло. Пьяные наконец угомонились, пошли первые электрички. Хмурые люди скитались по платформам, набиваясь в вагоны. В восемь часов семнадцать минут утра пошел дождь. Майор Дроботов отметил этот факт в своем листе наблюдения. Из-за этого вытасненный под дождь лист насквозь промок, порвался в нескольких местах, а буквы на нем расплылись. Но это было не страшно — майор Дроботов обладал фотографической памятью и в любой момент мог восстановить лист наблюдения с точностью до орфографической ошибки в слове «суп».

Наконец приблизился час «Ч» — двенадцать дня, иначе называемый полдень — время, в которое силы зла царствуют безраздельно. Майор Дроботов уже видел, словно наяву, как вдоль вагона с долларами выстраиваются в ряд бесценные порше и бентли, перемежаемые старыми шестерками и нивами (для отвода глаз, конечно), как приземляются на крышу вагона

один за другим черные вертолеты, привозящие в своих чревах ересиархов российского противления добру..

Но вот полдень наступил. А за ним — и двенадцать часов одна минута. А потом двенадцать часов две минуты... Но ни вертолетов, ни бентли, ни даже шестерок так и не появилось. Ни одна живая или мертвая душа не приблизилась к вагону — а майору Дроботову прекрасно были видны все подходы к нему.

К пяти часам вечера майор почувствовал первое сомнение, он отнял напряженные глаза от окуляров бинокля и вытер пот. А потом продолжил наблюдение...

Над станцией Дно занимался серый рассвет. Настал день «Д+1», приближался час «Ч+1Д». Что несколько нервировало майора Дроботова. Нет, он ни на миг не усомнился в точности своих расчетов. Ни на шаг не отступил от сделанных им в процессе двухлетней работы выводов. Даже сам факт того, что ни один из торгашей-предателей так и не появился на станции Дно в установленное время, чтобы раздербанить вагон долларов, не возмущал в нем никаких внутренних противоречий — майор был до конца уверен в том, что во всем прав. Его лишь немного раздражало то, что он не сможет привести ни одного из обнаруженных и пойманных им инагентов в наручниках в подвал своего следственного отдела, чтобы там допросить по всей строгости законов до неприличия мирного времени.

Но у него по крайней мере все еще был в руках вагон долларов! По крайней мере эту добычу в клювике своему полковнику он принесет.

Майор Дроботов хрустнул чуть затекшей шеей, скинул на одно плечо походный рюкзак и быстро спустился со станционной башни на платформу. Вчерашние пьянчуги, вновь всю ночь оравшие песни, мирно спали вповалку на платформе. С грацией кошки майор прокрался мимо них, спрыгнул с платформы и твердым шагом пересек пути, отделявшие его от заветного вагона с долларами.

Майор Дроботов крикнул, вытащил из секретных ножен на лодыжке русский армейский нож и уверенно вскрыл пломбы. Вагонная дверь, подчиняясь могучему движению его рук, отъехала в сторону. Одним махом майор вскочил внутрь, через мгновение глаза его привыкли к сумраку, и он увидел... какой-то хлам. Старые велосипеды, автомобильные покрышки, гигантские уродливые куклы, умеющие говорить «мама».

— Меня не проведешь, — усмехнулся майор и приготовился было начать обыск, но тут его ослепил яркий луч фонаря, ударивший ему прямо в глаза, запястья его схватили стальные клешни и завели за спину, а в лицо уставились совершенные в своей простоте стволы автоматов Калашникова.

— Майор Дроботов! — услышал он до боли знакомый громовой голос. — Вы арестованы по обвинению в продаже Родины, — и из тьмы на свет выступил обладатель этого самого прекрасного голоса на свете, высокий и широкоплечий человек в форме — его учитель, его вдохновитель, его отец (в служебном, конечно, смысле). Майор Пронин. — Эх, Ваня, Ваня, — добавил майор Пронин еле слышно и чуть заметно помотал головой на каменный гроб головой. — И почему это должен был оказаться именно ты?..

Майору Дроботову надели на голову пыльный мешок, скрутили, запи-хали в какое-то транспортное средство и повезли в неизвестном направле-нии. Везли долго и молча, да и сам Дроботов не пытался разговаривать — раз в операции участвовал майор Пронин, этот кристальный идеал следо-вателя, значит ему, Дроботову, не о чем было беспокоиться. Все рано или поздно разрешится самым лучшим образом.

Наконец, спустя шесть-семь часов тряской езды транспортное средство остановилось. Майора Дроботова вытащили наружу, какое-то время вели за руки по лестницам, в основном вниз, усадили на стул, сняли наручники, а потом и мешок с головы.

Он сидел в до боли родном подвале следственного отдела следственного управления следственного департамента следственного комитета, и напро-тив него, через стол, сидел следователь — майор Пронин.

— Грязный расхититель народной собственности! — медленно, глухо начал майор Пронин. — Подлый наймит. Наконец-то ты попался.

Майор Дроботов сидел ни жив ни мертв и, не дыша, наслаждался тем, как по жилам его растекается тепло: он был дома.

— Пять долгих лет плели мы с товарищами неразрывную сеть — ловуш-ку для скрытых предателей Родины, санкционируя мерзкие нашим уставам шодки, терки и стрелки, — продолжал двигать массивной, как двигатель автомобиля, челюстью майор Пронин. — В рамках спецоперации «Троц-кий» мы провели субоперации «Ледоруб» и «Лондонское чаепитие», и на-конец ловушка была готова. И кто же клюнул на наживку в вагон долларов? Майор Дроботов, надежда и опора народного режима! Как ты мог так низ-ко пасть? Предатель.

Майор Пронин не удержался и плюнул в лицо майору Дроботову, ко-торый восхищенно утерся — давно он не видел в человеке столько искрен-ности, столько тяги к добру, такого желания противостоять злу, как в май-оре Пронине.

— Удостоверение следователя на стол! — воскликнул майор Пронин, и майор Дроботов подчинился, выложив на ровную деревянную поверхность заветную кожаную книжечку. Майор Пронин с отвращением взял удосто-верение в руки, с сильным отвращением взглянул на фотографию Дробо-това и с ни с чем не сравнимым отвращением разорвал книжицу пополам, потом еще пополам, а потом еще четыре раза пополам, скомкал остатки и сжевал их своим могучим следовательским ртом.

А когда его мужественный кадык своим движением ознаменовал акт глотания, майор Пронин поднялся и мускулистой рукой сорвал с майора Дроботова погоны.

Потом он медленно опустился на стул, и на лице его проступила стар-ческая мягкость.

— Эх, Ваня, Ваня... — протянул майор Пронин. Неожиданно запустив руку под стол, он вытащил оттуда чуть початую бутылку хорошей водки «Па-утинка» и два пыльных граненых стакана. Разлил до верха; товарищи чо-кнулись и выпили водку ровными спокойными глотками, словно чистую родниковую воду. — Эх, Ваня! — повторил майор Пронин. — И почему это должен был оказаться именно ты?

— Наверное, по-другому нельзя! — бодро отрапортовал майор... то есть теперь уже просто Дроботов. Он еще ровным счетом ничего не понимал, но доверие к органам было безгранично, и он знал — бояться нечего, а сомневаться бесполезно.

— Операция «Троцкий» не может закончиться неудачей, это ключевое звено в цепи, которая приведет к спасению Родины, — проникновенным голосом начал майор Пронин, и в уголке его бирюзового глаза блеснула пьяная слеза. — Но пойми, раз ты был единственным, кто разобрался в нашей хитроумной схеме-ловушке, раз только ты сумел вычислить, куда направляется вагон долларов (и что это именно вагон долларов, а не выставка собак или коттеджный поселок на берегу озера), — то ты и должен стать тем агнцем, той жертвой, что ляжет на заклание ради победы нашего общего дела. И самое главное, — следователь сделал многозначительную паузу, — я скажу это лишь один раз, и ты запомнишь это и навсегда забудешь: никогда никому не говори и никого не спрашивай о том, куда на самом деле делясь и был ли вообще вагон долларов.

Майор Пронин подмигнул, затем вновь посуровел, еще раз разлил водку — теперь бутылка опустела, — и они снова выпили до дна.

— Этого требует вся непреложная логика момента, — продолжал майор Пронин. — Я, конечно, понимаю, что ты лишь невинная жертва. Я понимаю, что ты никогда не был одним из иностранных агентов. Но в то же время я ни секунды не сомневаюсь, — в голосе майора Пронина проснулась сталь, — что ты — один из тех гнусных прихвостней, что ступили на скользкую дорожку торговли самым святым. И ты сам должен понять, что ты — один из них, раз попался в нашу сеть. Сам! А поняв, с гордостью, до конца должен исполнить свой долг честного офицера — ведь я знаю, ты настоящий честный офицер и вообще бравый служака! Сознайся во всех своих грехах, назови всех поделщиков, с которыми за гроши торговал Родиной, гниденыш! — майор Пронин в ярости схватил Дроботова за воротник и наотмашь ударил его левой рукой. — Признавайся, скот! Ваня, друг милый... Раздавлю, как проклятую гадину! Говори правду, будь честным офицером. Пойми ты!

И Дроботов понял. Он глубоко вздохнул, широко улыбнулся, чуть не провалился сквозь пол от стыда за совершенные им гнусные преступления, разрыдался от необоримого чувства вины, собрался с духом и начал давать признательные показания.

Серия: «Особенности национального призыва»

Анджей Беловранин

**Шесть историй о подвигах,
преступлениях и глупостях,
о том, как не потерять себя
и как себя найти, если все-таки потеряешь,
и о том, что, пока мы живы,
выбор есть всегда**

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Редактор: Колесова Е.А.
Корректор: Капитонов Д.М.
Верстка: Малышева И.Ю.

ISBN 978-5-87857-247-7

Подписано в печать 23.07.2015.
Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonC. Печ. л. 5. Тираж 2000 экз. Заказ № 966.
Распространяется бесплатно.

Издательство «Норма», 192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37.
Тел. (812)712-6773

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, д. 12/28.